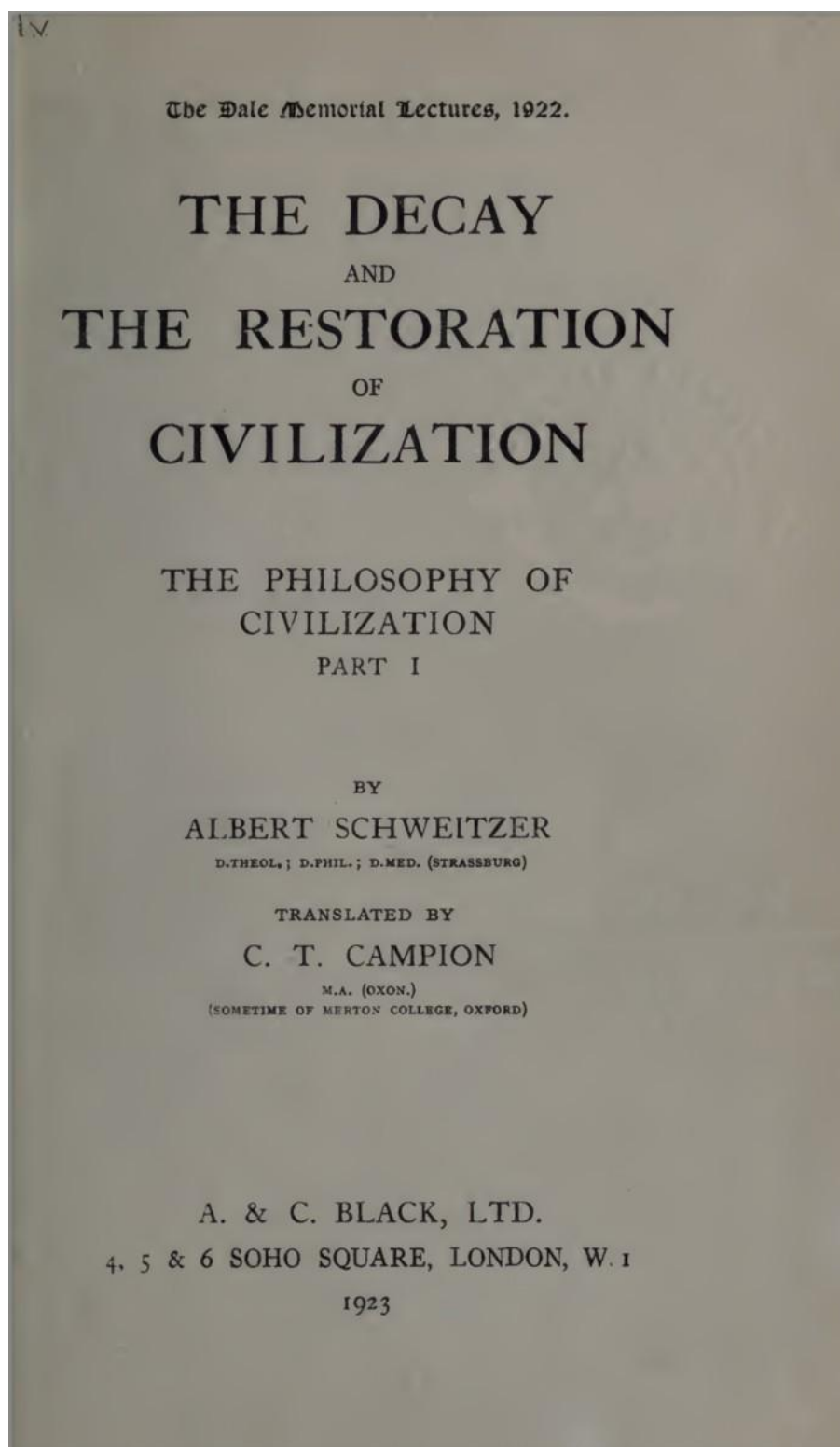

Упадок и восстановление цивилизации

Альберт Швейцер

Электронная книга проекта "Гутенберг" о упадке и восстановлении цивилизации

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Упадок и восстановление цивилизации

Философия цивилизации, часть 1

Author: Альберт Швейцер

Переводчик: К. Т. Кэмпбелл

Дата выхода: 25 апреля 2025 [Электронная книга №75958]

Язык: Английский

Оригинальная публикация: Лондон: A. & C. Black, Ltd, 1923

Титры: Actonian Press

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "УПАДОК И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ" ***

Мемориальные лекции Дейла, 1922 год.

УПАДОК И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ФИЛОСОФИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ, ЧАСТЬ I, АЛЬБЕРТ ШВЕЙЦЕР

Доктор БОГОСЛОВИЯ; доктор ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ наук; доктор МЕДИЦИНСКИХ наук
(СТРАСБУРГ)

ПЕРЕВОД К. Т. КЭМПИОНА

М.А. (ОКСОН.)

(КОГДА-ТО УЧИЛСЯ В МЕРТОН-КОЛЛЕДЖЕ, ОКСФОРД)

A. & C. BLACK, LTD.

ПЛОЩАДЬ СОХО, 4, 5 и 6, ЛОНДОН, W. 1

1923

Напечатано в Великобритании издательством WHITEFRIARS PRESS, LTD., ЛОНДОН И
ТОНБРИДЖ.

ЭННИ ФИШЕР С ГЛУБОЧАЙШЕЙ БЛАГОДАРНОСТЬЮ

АВТОРСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

“Упадок и восстановление цивилизации” - это первая часть полной философии цивилизации, которой я занимаюсь с 1900 года.

Вторая часть, озаглавленная “Цивилизация и этика”, появится немедленно. Третья называется “Мировоззрение* Благоговения перед Жизнью”. Четвертое имеет отношение к цивилизованному государству.

То, над чем я трудился с 1900 года, наконец созрело в тишине первобытного леса экваториальной Африки. Там, в течение 1914-17 годов, были выработаны четкие линии этой философии цивилизации.

Первая часть, “Упадок и восстановление цивилизации”, является своего рода введением в философию цивилизации. В нем излагается проблема цивилизации.

Приступая к вопросу о том, в чем заключается истинная сущность цивилизации, я прихожу к выводу, что в конечном счете это этично. Я знаю, что, формулируя таким образом проблему как моральную, я удивлю и даже вызову отвращение у духа нашего времени, который привык руководствоваться эстетическими, историческими и материальными соображениями. Я полагаю, однако, что я сам в достаточной степени художник, а также историк, чтобы быть способным понять эстетические и исторические элементы цивилизации, и что как современный врач и хирург я достаточно современен, чтобы оценить очарование технических и материальных достижений нашего века.

Несмотря на это, я пришел к убеждению, что эстетические и исторические элементы, а также великолепное расширение наших материальных знаний и могущества сами по себе не составляют сущность цивилизации, но что это зависит от ментального склада людей и наций, существующих в мире. Все остальное - лишь сопутствующие обстоятельства цивилизации, которые не имеют ничего общего с ее реальной сущностью.

Творческие, артистические, интеллектуальные и материальные достижения могут проявить свои полные и истинные последствия только тогда, когда дальнейшее существование и развитие цивилизации будут обеспечены путем основания самой цивилизации на основе ментального склада, который является истинно этическим. Только в своей борьбе за то, чтобы стать этическим, человек обретает реальную ценность как личность; только под влиянием этических убеждений различные отношения человеческого общества формируются таким образом, что отдельные люди и народы могут развиваться идеальным образом. Если отсутствует этический фундамент, то цивилизация рушится, даже когда в других направлениях действуют сильнейшие творческие и интеллектуальные силы.

Эту моральную концепцию цивилизации, которая делает меня почти чужаком среди интеллектуальной жизни моего времени, я выражаю ясно и без колебаний, чтобы пробудить у моих современников размышления о том, что такое цивилизация на самом деле. Нам не удастся восстановить нашу цивилизацию на прочной основе, пока мы полностью не избавимся от поверхностного представления о цивилизации, которое сейчас держит нас в плену, и снова не обратимся к этическим взглядам, сложившимся в восемнадцатом веке.

Второй момент, который я хотел бы подчеркнуть, - это связь между цивилизацией и нашей теорией Вселенной. В настоящее время этой связи не уделяется никакого внимания. На самом деле, в тот период, в который мы живем, совершенно упускается из виду важность наличия теории Вселенной. В наши дни широко распространено убеждение, как образованных, так и необразованных, что человечество будет развиваться вполне удовлетворительно вообще без какой-либо теории Вселенной.

Реальный факт заключается в том, что весь прогресс человечества зависит от прогресса в его теории вселенной, в то время как, наоборот, упадок обусловлен аналогичным упадком в этой теории. Наша потеря настоящей цивилизации произошла из-за отсутствия у нас теории Вселенной.

Только тогда, когда мы снова преуспеем в создании сильной и достойной теории мироздания и найдем в ней сильные и достойные убеждения, мы снова станем способны создать новую цивилизацию. Именно этой, казалось бы, абстрактной и парадоксальной истиной я провозглашаю себя поборником.

Цивилизация, проще говоря, состоит в том, что мы отдаем себя, как человеческие существа, усилиям по достижению совершенствования человеческой расы и осуществлению прогресса любого рода в условиях человечества и объективного мира. Однако такое ментальное отношение предполагает двойную предрасположенность: во-первых, мы должны быть готовы действовать утвердительно по отношению к миру и жизни; во-вторых, мы должны стать этичными.

Только когда мы сможем придать реальный смысл миру и жизни, мы сможем также посвятить себя таким действиям, которые приведут к результатам реальной ценности. До тех пор, пока мы считаем свое существование в мире бессмысленным, нет никакого смысла желать чего-либо добиться в мире. Мы становимся работниками того всеобщего духовного и материального прогресса, который мы называем цивилизацией, только в той мере, в какой мы утверждаем, что мир и жизнь обладают каким-то смыслом, или, что то же самое, только в той мере, в какой мы мыслим оптимистично.

Цивилизация возникает тогда, когда люди вдохновляются сильной и ясной решимостью достичь прогресса и посвящают себя, в результате этой решимости, служению жизни и миру. Только в этике мы можем найти движущую силу для такого действия, выходящую за пределы нашего собственного существования.

Ничто по-настоящему ценное в мире не достигается без энтузиазма и самопожертвования.

Но невозможно убедить людей в истинности мировоззрения и жизнеутверждения, а также в реальной ценности этики с помощью простой декламации. Позитивный и этический менталитет, характеризующий эти убеждения, должен зарождаться в самом человеке как

результат внутреннего духовного отношения к миру. Только тогда они будут сопровождать его как сильные, ясные и постоянные убеждения и обуславливать каждую его мысль и действие.

Иными словами: мировоззрение и жизнеутверждение должны быть продуктами размышлений о мире и жизни. Только тогда, когда большинство людей придут к этому результату мысли и будут продолжать находиться под его влиянием, истинная и устойчивая цивилизация добьется прогресса в мире. Если ментальная предрасположенность к миро- и жизнеутверждению и этике начнет ослабевать или станет тусклой и затемненной, мы будем неспособны работать на благо истинной цивилизации, более того, мы будем неспособны даже сформировать правильное представление о том, какой должна быть такая цивилизация.

И это та судьба, которая постигла нас. Мы лишены какой-либо теории о Вселенной. Поэтому, вместо того, чтобы вдохновляться глубоким и могущественным духом утверждения мира и жизни, мы позволяем себе, как отдельным людям, так и нациям, метаться туда-сюда из-за такого утверждения, которое является одновременно запутанным и поверхностным. Вместо того чтобы занять решительную этическую позицию, мы существуем в атмосфере простых этических фраз или объявляем себя этическими скептиками.

Как получилось, что мы дошли до такого состояния отсутствия теории Вселенной? Это происходит потому, что до сих пор мироутверждающая и этическая теория мироздания не имела убедительного и постоянного основания в мышлении. Мы снова и снова думали, что нашли для нее такую основу; но она снова и снова теряла силу, а мы даже не осознавали этого, пока, наконец, на протяжении более чем одного поколения мы не были вынуждены все больше и больше смиряться с полным отсутствием какой-либо теории мира вообще.

Таким образом, в этой вводной части моей работы я провозглашаю две истины и завершаю замечательной нотой вопроса. Истины заключаются в следующем: основной этический характер цивилизации и связь между цивилизацией и нашими теориями о Вселенной. Вопрос, которым я заканчиваю, заключается в следующем: возможно ли вообще найти реальное и постоянное основание в мысли для теории вселенной, которая была бы этической и утверждающей мир и жизнь?

Будущее цивилизации зависит от нашего преодоления бессмысленности и безнадежности, которые характеризуют мысли и убеждения современных людей, и достижения состояния новой надежды и новой решимости. Однако мы будем способны на это только тогда, когда большинство индивидуумов откроют для себя как этику, так и глубокую и непоколебимую позицию по утверждению мира и жизни в рамках теории вселенной, одновременно убедительной и основанной на размышлениях.

Без такого общего духовного опыта нет никакой возможности удержать наш мир от разрушения, к которому его приближают. Таким образом, наш долг - пробудить себя к свежим размышлениям о мире и жизни.

Во "Цивилизации и этике", второй части этой философии цивилизации, я описываю путь, по которому мысль привела меня к утверждению мира и жизни, а также к этике. Основная идея моей теории вселенной состоит в том, что мое отношение к собственному существу и к объективному миру определяется благоговением перед жизнью. Это благоговение перед жизнью дается как элемент моей воли к жизни и становится ясно осознаваемым само по себе, когда я размышляю о своей жизни и об окружающем мире. В ментальном отношении к жизни,

которое должно характеризовать мой контакт со всеми формами жизни, задействованы как этика, так и мировоззрение и жизнеутверждение. Не какое-либо проникновение в сущностную природу мира определяет мое отношение к моему собственному существованию и к существованию, с которым я сталкиваюсь в мире, а скорее только и исключительно моя собственная воля к жизни, которая развила способность размышлять о себе и мире.

Теория вселенной, характеризующаяся благоговением перед жизнью, представляет собой разновидность мистицизма, к которому приходит самосогласованное мышление, когда упорствует в своем окончательном выводе. Подчиняясь руководству этого мистицизма, человек находит смысл своей жизни в том, что он стремится к собственной духовной и этической самореализации и, одновременно и одним и тем же действием, помогает продвигать вперед все процессы духовного и материального прогресса, которые должны быть реализованы в мире.

Я не знаю, многие ли или как немногие позволят уговорить себя отправиться со мной по указанной выше дороге. Чего я желаю превыше всего — и в этом суть всего дела — так это того, чтобы мы все полностью осознали, что полное отсутствие у нас какой-либо теории Вселенной является основным источником всех катастроф и несчастий нашего времени, и что мы должны сообща трудиться над теорией вселенной и жизни, чтобы таким образом мы могли прийти к ментальному настрою, который сделает нас действительно цивилизованными людьми.

Для меня было большой радостью получить возможность изложить в *Лекциях Дейла*, прочитанных в Оксфорде, взгляды, на которых основана эта философия цивилизации.

Я хотел бы выразить свою глубочайшую благодарность моим друзьям, мистеру К. Т. Кэмпбеллу, магистру медицины, ныне проживающему в Грэхемстауне, Южная Африка, и доктору Дж. П. Нейшу из Оксфорда. Мистер Кэмпбелл является переводчиком этой первой части “Философии цивилизации”. Доктор Нейш ознакомился с книгой в печати и перевел это предисловие.

ALBERT SCHWEITZER.

Страсбург, Эльзас.

Февраль 1923 года.

Содержание

- [ГЛАВА I](#)
- [Как философия несет ответственность за крах цивилизации \[1\]](#)
- [ГЛАВА II](#)
- [Препятствия цивилизации в нашей экономической и духовной жизни \[15\]](#)
- [ГЛАВА III](#)
- [Цивилизация по существу этична по своему характеру \[35\]](#)
- [ГЛАВА IV](#)
- [Путь к восстановлению цивилизации \[62\]](#)
- [ГЛАВА V](#)
- [Цивилизация и теории Вселенной \[80\]](#)

УПАДОК И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ГЛАВА I

КАК ФИЛОСОФИЯ НЕСЕТ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КРАХ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Наш самообман относительно реальных условий существования нашей цивилизации. Крах теории мироздания, на которой были основаны наши идеалы. Поверхностный характер современного философствования.

Сегодня мы живем под знаком краха цивилизации. Ситуация сложилась не в результате войны; последняя является лишь ее проявлением. Духовная атмосфера превратилась в реальные факты, которые снова воздействуют на нее с катастрофическими результатами во всех отношениях. Это взаимодействие материального и духовного приобрело самый нездоровый характер. Прямо под мощным водопадом мы движемся в потоке, полном грозных водоворотов, и потребуются самые гигантские усилия, чтобы спасти судно нашей судьбы из опасного бокового канала, в который мы позволили ему попасть, и вернуть его в основное русло, если, конечно, мы вообще можем надеяться на это.

Мы выпали из потока цивилизации, потому что среди нас не было реального размышления о том, что такое цивилизация. Верно, что в конце прошлого и начале нынешнего столетия появилось множество работ о цивилизации с самыми разнообразными названиями; но, словно повинувшись какому-то тайному приказу, они не делали попыток установить и прояснить условия нашей интеллектуальной жизни, а посвящали себя исключительно ее происхождению и истории. Они дали нам рельефную карту цивилизации, отмеченную дорогами, которые люди наблюдали или изобрели и которые вели нас через холмы и долины по полям истории от эпохи Возрождения до двадцатого века. Это был триумф исторического чувства авторов. Толпы, которых обучали эти работы, были преисполнены довольства, когда они поняли, что их цивилизация была органическим продуктом стольких веков работы духовных и социальных сил, но никто не разработал и не описал содержание нашей духовной жизни. Никто не оценивал его ценность с точки зрения благородства его идей и его способности добиваться реального прогресса.

Таким образом, мы переступили порог двадцатого века с непоколебимым самомнением, и все, что писалось в то время о нашей цивилизации, только укрепляло нас в нашей искренней вере в ее высокую ценность. На любого, кто выражал сомнение, смотрели с удивлением. Действительно, многие из тех, кто был на пути к ошибке, останавливались и снова возвращались на главную дорогу, потому что боялись тропинки, которая уводила в сторону. Другие продолжали идти по главной дороге, но молча; понимание и проницательность, которые действовали в них, только обрекали их на изоляцию.

Теперь каждому ясно, что происходит самоубийство цивилизации. То, что от нее еще осталось, больше небезопасно. Он действительно все еще стоит, потому что не подвергался разрушительному давлению, которое сокрушило остальные, но, как и все остальное, построен из щебня, и следующий оползень, скорее всего, унесет его.

Но что предшествовало этой потере могущества врожденных сил цивилизации и привело к ней?

Эпоха иллюминатов и рационализма выдвинула основанные на разуме этические идеалы, касающиеся развития личности до истинной зрелости, ее положения в обществе, материальных и духовных проблем, возникающих в обществе, отношений различных наций друг к другу и их результата в человечестве, которое должно быть объединено в стремлении к высшим моральным и духовным целям. Эти идеалы начали, как в философии, так и в общем мышлении, соприкасаться с реальностью и изменять общее окружение. В течение трех или четырех поколений был достигнут такой прогресс как в идеях, лежащих в основе цивилизации, так и в их материальном воплощении, что, казалось, в мире наступила эра истинной цивилизации, и ей было гарантировано непрерывное развитие.

Но примерно в середине девятнадцатого века это взаимопонимание и сотрудничество между этическими идеалами и реальностью начало разрушаться, а в течение следующих нескольких десятилетий оно исчезало все более и более полностью. Без сопротивления, без жалоб цивилизация отеклась. Ее идеи отставали, как будто они были слишком измотаны, чтобы поспевать за ней. Как это произошло?

Решающим элементом в достижении этого результата был отказ философии от своего долга.

В восемнадцатом веке и начале девятнадцатого именно философия руководила мыслью в целом. Она занималась вопросами, которые вставали перед человечеством в каждый последующий период, и заставляла мысль цивилизованного человека активно размышлять над ними. Философия того времени включала в себя элементарное философствование о человеке, обществе, расе, человечности и цивилизации, которое совершенно естественным образом породило живую популярную философию, которая контролировала общую мысль и поддерживала энтузиазм по отношению к цивилизации.

Но этот этический и в то же время оптимистичный взгляд на вещи, в котором иллюминаты и рационализм заложили основы этой здоровой популярной философии, в конечном итоге не смог выдержать критики, обрушившейся на него со стороны чистой мысли. Его наивный догматизм порождал все больше и больше предубеждений против него. Кант попытался заложить в шаткое здание новый фундамент, взяв на себя обязательство изменить рационалистический взгляд на вещи в соответствии с требованиями более глубокой теории познания, не внося, однако, никаких изменений в его существенные духовные элементы. Гете, Шиллер и другие интеллектуальные гиганты того времени показали с помощью критики, как доброй, так и злонамеренной, что рационализм был скорее популярной философией, чем реальной философией, но они были не в состоянии заменить то, что они разрушили, чем-либо новым, что могло бы дать такую же эффективную поддержку идеям о цивилизации, которые были актуальны в общей мысли того времени.

Фихте, Гегель и другие философы, которые, несмотря на всю свою критику рационализма, отдавали дань уважения его этическим идеалам, пытались установить аналогичный этический и оптимистический взгляд на вещи с помощью спекулятивных методов, то есть путем логического и метафизического обсуждения чистого бытия и его развития во вселенную. В течение трех или четырех десятилетий им удавалось обманывать себя и других этой якобы созидательной и вдохновляющей иллюзией и совершать насилие над реальностью в интересах своей теории мироздания. Но в конце концов естественные науки, которые все это время становились все сильнее и сильнее, восстали против них и с плебейским энтузиазмом к истине реальности превратили в руины великолепные творения их воображения.

С тех пор этические идеи, на которых зиждется цивилизация, бродят по миру, пораженные нищетой и бездомные. Не было выдвинуто ни одной теории Вселенной, которая могла бы дать им прочную основу; фактически, не появилось ни одной, которая могла бы претендовать на основательность и внутреннюю последовательность. Эпоха философского догматизма определенно подошла к концу, и после этого ничто не признавалось истиной, кроме науки, описывающей реальность. Общие теории Вселенной больше не рассматривались как неподвижные звезды; они считались основанными на гипотезах и занимали место не выше комет.

То же самое оружие, которое сокрушило догматизм знаний о вселенной, сокрушило и догматическое изложение духовных идей. Ранний простой рационализм, критический рационализм Канта и спекулятивный рационализм великих философов девятнадцатого века - все они одинаково совершали насилие над реальностью двумя способами. Они придавали взглядам, к которым они пришли с помощью чистого мышления, положение выше положения научных фактов, и они также проповедовали ряд этических идеалов, которые должны были заменить новыми различные существующие отношения в идеях и материальном окружении человечества. Когда было доказано, что первая из этих двух форм насилия была ошибочной, стало сомнительным, можно ли по-прежнему допускать оправдание второй, которым она пользовалась до сих пор. Доктринерские методы мышления, которые делали существующий мир не чем иным, как материалом для создания чисто теоретического наброска лучшего будущего, были заменены сочувственными попытками понять историческое происхождение существующих вещей, для которых философия Гегеля подготовила путь.

При общем менталитете, подобном этому описанию, реальное сочетание этических идеалов с реальностью было уже невозможно; не было свободы от предрассудков, которой это требовало, и поэтому произошло ослабление убеждений, которые были движущей силой цивилизации. Таким же образом был положен конец тому оправданному насилию над человеческими убеждениями и обстоятельствами, без которого реформаторская работа цивилизации не может продвинуться вперед, потому что она была связана с другим неоправданным насилием над реальностью. В этом трагический элемент психологического развития нашей духовной жизни во второй половине девятнадцатого века.

Таким образом, рационализм был отвергнут; но вместе с ним исчезли и оптимистические убеждения относительно морального смысла вселенной и человечества, общества и человека, которые он породил, хотя убеждение все еще оказывало такое сильное влияние, что на катастрофу, которая действительно началась, не обращали внимания.

Философия не осознавала, что сила идей о цивилизации, которые были ей доверены, становилась сомнительной величиной. В конце одной из самых блестящих работ по истории философии, появившейся в конце девятнадцатого века, философия определяется как процесс, “посредством которого шаг за шагом и со все более ясным и уверенным сознанием приходит к завершению то убеждение в ценности цивилизации, универсальная значимость которого является целью самой философии”. Но автор забыл существенный момент, а именно, что было время, когда философия не просто убеждала саму себя в ценности цивилизации, но и позволяла своим убеждениям распространяться как плодотворным идеям, призванным влиять на общее мышление, в то время как с середины девятнадцатого века эти убеждения все больше и больше приобретали характер накопленного и непроизводительного капитала.

Когда-то философия была активным деятелем, вырабатывающим универсальные представления о цивилизации. Теперь, после краха в середине девятнадцатого века, эта же философия превратилась всего лишь в источник дивидендов, сосредоточив свою деятельность вдали от мира на том, что ей удалось спасти. Она стала простой наукой, которая просеивала результаты исторических и естественных наук и собирала из них материал для будущей теории вселенной, осуществляя с этой целью научную деятельность во всех отраслях знания. В то же время она все больше и больше погружалась в изучение собственного прошлого. Философия стала практически означать историю философии, но творческий дух покинул ее. Она все больше и больше превращалась в философию, не содержащую реальной мысли. Она действительно размышляла о результатах, достигнутых отдельными науками, но утратила способность размышлять о фундаментальных проблемах.

Она со снисходительной жалостью оглядывалась назад на рационализм, который она превзошла. Она гордилась тем, что смогла проследить свое происхождение от Канта, что Гегель показал ей внутренний смысл истории и что сегодня она работает в тесном контакте с естественными науками. Но при всем том она была беднее самого бедного рационализма, потому что теперь она только в воображении, а не в реальности продолжала признанную работу философии, которой последняя так ревностно занималась. Рационализм, при всей его простоте, был действующей философией, но сама философия теперь, при всей ее проницательности, стала просто педантичной философией дегенератов. Она все еще играла какую-то *роль* в школах и университетах, но у нее больше не было никакого послания большому миру.

Несмотря на всю свою ученость, она стала чужой в этом мире, и жизненные проблемы, занимавшие мужчин, и все мысли того времени не имели никакого отношения к ее деятельности. Ее путь лежал в стороне от общей духовной жизни, и точно так же, как она не получала от последней никакого стимула, она ничего не давала взамен. Отказываясь заниматься фундаментальными проблемами, она не содержала в себе фундаментальной философии, которая могла бы стать философией народа.

Из этого бессилия проистекало столь характерное для нее отвращение ко всякому общепринятому философствованию. Популярная философия была для нее всего лишь подготовленным для использования толпой, упрощенным и, следовательно, неполноценным обзором результатов, данных отдельными науками, которые она сама просеяла и собрала воедино с учетом будущей теории вселенной. Она совершенно не осознавала нескольких вещей, а именно, что существует популярная философия, которая возникает в результате такого пересмотра; что это просто область философии - иметь дело с первичными, более глубокими вопросами, о которых думают или должны думать отдельные люди и толпа, применять к ним более всеобъемлющие и более основательные методы мышления, а затем возвращать их в обиход; и, наконец, что ценность любой философии в конечном итоге определяется ее способностью или неспособностью трансформироваться в живую философию народа.

Все, что глубоко, также просто и может быть воспроизведено как таковое, если только сохраняется его связь со всей реальностью. Тогда это нечто абстрактное, которое обеспечивает себе многогранную жизнь, как только соприкасается с фактами.

Поэтому любая пытливая мысль, существовавшая среди широкой публики, была вынуждена чахнуть, потому что наша философия отказывалась либо признавать это, либо помогать этому. Он обнаружил перед собой глубокую пропасть, которую не мог преодолеть.

Золотых монет, отчеканенных в прошлом, у философии было в избытке; гипотезы о вскоре разрабатываемой теологической теории вселенной заполняли ее хранилища, как отчеканенные слитки; но пищи, которой можно было бы утолить духовный голод настоящего, у нее не было. Обманутая собственным богатством, она не позаботилась о том, чтобы засеять землю питательными культурами, и поэтому, не обращая внимания на голод века, бросила его на произвол судьбы.

То, что чистой мысли так и не удалось построить теорию вселенной оптимистического, этического характера и заложить на ней фундамент для идеалов, которые приведут к созданию цивилизации, не было ошибкой философии; это был факт, который стал очевидным по мере развития мысли. Но философия была виновна в несправедливости по отношению к нашему веку в том, что она не признавала этот факт, а оставалась окутанной своей иллюзией, как будто это действительно помогало прогрессу цивилизации.

Высшее призвание философии - быть проводником и хранителем общего разума, и в обстоятельствах того времени ее долгом было признаться нашему миру, что этические идеалы больше не поддерживаются никакой общей теорией вселенной, но до дальнейшего уведомления предоставлены сами себе и должны прокладывать свой путь в мире благодаря своей собственной врожденной силе. Она должна была показать нам, что мы должны бороться во имя идеалов, на которых зиждется наша цивилизация. Ей следовало бы попытаться обеспечить этим идеалам независимое существование в силу их собственной внутренней ценности и истинности и таким образом поддерживать их живыми и активными без какой-либо посторонней помощи со стороны соответствующей теории мироздания. Следовало приложить все усилия, чтобы привлечь внимание как культурных, так и некультурных людей к проблеме идеалов цивилизации.

Но философия философствовала обо всем, кроме цивилизации. Она продолжала неустанно работать над созданием теоретического взгляда на вселенную, как будто с его помощью все можно было восстановить, и не задумывалась о том, что эта теория, даже если бы она была завершена, была бы построена только на истории и науке и, соответственно, была бы неоптимистичной и неэтичной и навсегда осталась бы “бессильной теорией вселенной”, которая никогда не смогла бы мобилизовать энергию, необходимую для установления и поддержания идеалов цивилизации.

Философия так мало размышляла о цивилизации, что даже не замечала, что она сама и эпоха вместе с ней теряют все больше и больше этого. В час опасности сторож, который должен был бодрствовать, сам уснул, и в результате мы вообще не вступили в бой во имя нашей цивилизации.

ГЛАВА II

ПРЕПЯТСТВИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ В НАШЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Несвободное экономическое положение современного человека. Неразвитое состояние современного человека. Недостаток человечности у современного человека. Отсутствие духовной независимости у современного человека.

Даже если отречение от мысли было, как мы видели, решающим фактором краха нашей цивилизации, существует еще ряд других причин, которые в сочетании с ним препятствуют нашему прогрессу в этом отношении. Их можно найти как в сфере духовной, так и в сфере экономической деятельности, и они зависят, прежде всего, от взаимодействия между ними, взаимодействия, которое неудовлетворительно и постоянно становится все более таковым.

Способность современного человека к прогрессу в цивилизации снижается, потому что обстоятельства, в которых он оказывается, травмируют его психику и подавляют его личность.

Развитие цивилизации происходит — выражаясь довольно обобщенно — благодаря тому, что отдельные люди придумывают идеалы, направленные на прогресс целого, а затем так приспособливают их к реалиям жизни, что они принимают форму, в которой они могут наиболее эффективно влиять на обстоятельства времени. Таким образом, способность человека быть пионером прогресса, то есть понимать, что такое цивилизация, и работать во имя нее, зависит от того, является ли он мыслителем и свободен ли он. Он должен быть первым, если хочет быть способным осознать свои идеалы и придать им форму. Он должен быть свободным, чтобы иметь возможность воплощать свои идеалы в жизнь. Чем полнее его деятельность каким-либо образом связана с борьбой за существование, тем сильнее стремление улучшить свое собственное положение найдет выражение в идеалах его мышления. Идеалы личной выгоды тогда смешиваются с его идеалами цивилизации и портят их.

Материальная и духовная свобода тесно связаны друг с другом. Цивилизация предполагает свободных людей, ибо только свободными людьми она может быть продумана и доведена до реализации.

Но среди современного человечества как свобода, так и способность мыслить, к сожалению, уменьшились.

Если бы общество развилось так, что постоянно расширяющийся круг населения мог наслаждаться скромными, но вполне гарантированными условиями комфорта, цивилизации было бы оказано гораздо больше помощи, чем все материальные завоевания, которые восхваляются от ее имени. Это действительно делает человечество в целом менее зависимым от природы, но в то же время уменьшает количество свободных и независимых жизней. Ремесленник, который был сам себе хозяином, становится рабочим на фабрике под давлением механизмов. Поскольку в современном сложном деловом мире поддерживать свое существование могут только предприятия с большим капиталом, стоящие за ними, место небольшого независимого дилера все более и более полно занимает наемный работник. Даже классы, которые все еще обладают большим или меньшим объемом собственности или ведут более или менее независимую деятельность, все больше и больше вовлекаются в борьбу за существование из-за ненадежности нынешних условий при современной экономической системе.

Возникающее в результате этого отсутствие свободы усугубляется еще и тем, что фабричная система создает постоянно растущие скопления людей, которые таким образом принудительно отделяются от почвы, которая их питает, от их собственных домов и от природы. Отсюда возникает серьезная психическая травма. Слишком много правды в парадоксальном высказывании о том, что ненормальная жизнь начинается с потери собственного поля деятельности и места обитания.

Цивилизации, это правда, в определенной степени способствуют эгоистичные идеалы, создаваемые группами людей, которые объединяются и сотрудничают в защите своих интересов, находящихся под угрозой, поскольку они стремятся улучшить свое материальное, а следовательно, и духовное окружение. Но эти идеалы представляют опасность для идеи цивилизации как таковой, потому что форма, которую они принимают, либо вообще не определяется, либо очень несовершенно, действительно универсальными интересами сообщества. Рассмотрение цивилизации как таковой сдерживается конкуренцией между различными эгоистичными идеалами, которые скрываются под ее названием.

К недостатку свободы мы должны добавить зло переутомления. На протяжении двух или трех поколений многие люди жили просто как рабочие, а не как человеческие существа. Все, что можно сказать в общих чертах о моральном и духовном значении труда, не имеет никакого отношения к тому, что они должны делать. Чрезмерное количество труда сегодня является правилом в каждой отрасли промышленности, в результате чего духовная составляющая рабочего никак не может процветать. Это переутомление косвенно сказывается на нем даже в детстве, поскольку его родители, погрязшие в непосильной работе, не могут посвятить себя его воспитанию должным образом. Таким образом, его развитие лишается чего-то, что никогда не может быть исправлено, и позже в жизни, когда он сам становится рабом сверхурочной работы, он все больше и больше ощущает потребность во внешних отвлекающих факторах. Тратить время, отведенное ему на досуг, на самосовершенствование, серьезное общение с товарищами или с книгами, требует собранности ума и самоконтроля, которые он находит очень трудными. Полное безделье, забывчивость и отвлечение от своих обычных занятий являются физической необходимостью. Он не хочет думать и ищет не самосовершенствования, а развлечений, причем такого рода развлечений, которые предъявляют наименьшие требования к его духовным способностям.

Менталитет этой массы индивидуумов, духовно расслабленных и неспособных к самообучению, воздействует на все те институты, которые должны служить делу культуры, а следовательно, и цивилизации. Театр занимает второе место после увеселительного заведения или киносеанса, а поучительная книга - после развлекательной. Все большему количеству периодических изданий и газет приходится приспосабливаться к необходимости представлять свой материал читателям в форме, позволяющей наиболее легко его усвоить. Сравнение среднестатистических газет сегодняшнего дня с газетами пятидесяти-шестидесятилетней давности показывает, насколько основательно таким изданиям пришлось изменить свои методы в этом отношении.

Когда однажды дух поверхностности проникает в институты, которые должны поддерживать духовную жизнь, они, со своей стороны, оказывают рефлекторное влияние на общество, которое они довели до такого состояния, и одинаково навязывают всем это состояние ментальной пустоты.

Насколько полно этот недостаток мыслительных способностей стал второй натурой современных людей, видно по тому типу общительности, который он порождает. Когда двое из них встречаются для беседы, каждый внимательно следит за тем, чтобы их разговор не выходил за рамки общих фраз и не перерастал в реальный обмен идеями. Ни у кого нет ничего своего, что можно было бы раздать, и каждого преследует своего рода ужас, как бы от него не потребовали чего-нибудь оригинального.

Дух, вырабатываемый в таком обществе неконцентрированных умов, поднимается среди нас как постоянно растущая сила, и это приводит к снижению представления о том, каким должен быть человек. В себе, как и в других, мы не ищем ничего, кроме энергии в производительной работе, и смиряемся с отказом от любых высших идеалов.

Когда мы рассматриваем этот недостаток свободы и умственной концентрации, мы видим, что условия жизни жителей наших больших городов настолько неблагоприятны, насколько они могли бы быть. Естественно, что эти жители подвергаются наибольшей опасности со своей духовной стороны. Сомнительно, чтобы большие города когда-либо были очагами цивилизации в том смысле, что в них возник идеал человека, хорошо и по-настоящему развитого как духовная личность; во всяком случае, сегодня положение вещей таково, что истинная цивилизация нуждается в спасении от духа, исходящего от них и их жителей.

Но, помимо помех, создаваемых для цивилизации отсутствием у современного человека свободы и способности к умственной концентрации, существует еще одно препятствие, вызванное его несовершенным развитием. Огромный рост человеческих знаний и могущества, как в специализированной тщательности, так и в масштабах, неизбежно приводит к тому, что индивидуальная деятельность все больше и больше ограничивается четко определенными подразделениями. Человеческий труд организован и скоординирован таким образом, что специализация может позволить отдельным людям вносить максимально возможный и эффективный вклад. Полученные результаты поразительны, но духовное значение работы для

работника страдает. Призыв распространяется не на всего человека в целом, а только на некоторые из его способностей, и это оказывает рефлекторное воздействие на его природу в целом. Способности, которые формируют личность и вызываются всеобъемлющими и разнообразными задачами, вытесняются менее всеобъемлющими, которые с этой точки зрения являются, в общем смысле этого слова, менее духовными. Современный ремесленник не понимает свое ремесло в целом так, как это понимал его предшественник. Он больше не учится, как последний, обрабатывать дерево или металл на всех стадиях производства; многие из этих стадий уже были выполнены людьми и машинами до того, как материал попал к нему в руки. Следовательно, его рефлексивность, его воображение и его мастерство больше не зависят от постоянно меняющихся трудностей в работе, и его творческие способности атрофируются. На смену нормальному самосознанию, которому способствует работа, в выполнение которой он должен вкладывать всю свою силу мысли и всю свою личность, приходит самодовольство, которое довольствуется фрагментарной способностью, которая, можно признать, совершенна, и это самодовольство убеждено своим совершенством в овладении деталями, чтобы не замечать своего несовершенства в обращении с целым.

Во всех профессиях, возможно, наиболее отчетливо в стремлении к науке, мы можем осознать духовную опасность, которой специализация угрожает не только отдельным людям, но и духовной жизни сообщества. Также уже заметно, что сейчас образованием занимаются учителя, у которых недостаточно широкий кругозор, чтобы заставить своих учеников понять взаимосвязь отдельных наук и быть способными дать им настолько широкий кругозор, каким он должен быть.

Затем, как будто специализация и организация труда там, где она неизбежна, еще недостаточно вредны для души современного человека, они развиваются там, где без них можно было бы обойтись. В администрации, в образовании и во всех видах деятельности естественная сфера деятельности максимально сужена правилами и надзором. Насколько менее свободен во многих странах современный учитель начальной школы по сравнению с тем, кем он был когда-то! Каким безжизненным и безличностным стало его учение в результате всех этих ограничений!

Таким образом, благодаря нашим методам работы мы понесли духовные и индивидуальные потери ровно настолько, насколько возросла материальная отдача от нашей коллективной деятельности. Это также иллюстрация того трагического закона, который гласит, что каждое приобретение так или иначе влечет за собой соответствующую потерю.

Но современный человек находится в опасности не только из-за отсутствия у него свободы, силы умственной концентрации и возможности всестороннего развития: он находится в опасности потерять свою человечность.

Нормальное отношение человека к человеку становится для нас очень трудным. Из-за спешки, в которой мы живем, из-за возросших возможностей для общения и из-за необходимости жить и работать со многими другими в перенаселенной местности, мы постоянно встречаемся друг с другом и в самых разнообразных отношениях, как незнакомцы. Наши обстоятельства не позволяют нам относиться друг к другу как мужчина к мужчине, поскольку ограничения, налагаемые на деятельность естественного человека, настолько общие и нерушимые, что мы привыкаем к ним и больше не воспринимаем наше механическое, безличное общение как нечто неестественное. Мы больше не чувствуем дискомфорта из-за того, что в таком количестве ситуаций мы больше не можем быть мужчинами среди мужчин, и, наконец, мы оставляем попытки быть таковыми, даже когда это было бы возможно и уместно.

И в этом отношении обстоятельства самым неблагоприятным образом влияют на душу горожанина, а это влияние, в свою очередь, самым неблагоприятным образом сказывается на менталитете общества.

Таким образом, мы склонны забывать о наших взаимоотношениях с ближними и находимся на пути к бесчеловечности. Везде, где утрачено сознание того, что каждый человек является объектом нашей заботы только потому, что он человек, цивилизация и мораль пошатнулись, и переход к полностью развитой бесчеловечности является лишь вопросом времени.

На самом деле, самые бесчеловечные мысли были распространены среди нас на протяжении двух прошедших поколений во всей уродливой ясности языка и с авторитетом логических принципов. Был создан социальный менталитет, который не поощряет человечность в отдельных людях. Вежливость, порожденная естественными чувствами, исчезает, и на ее место приходит поведение, демонстрирующее полное безразличие, даже если оно более или менее тщательно оформлено кодексом хороших манер. Отчужденность и отсутствие сочувствия, которые так явно проявляются по отношению к незнакомым людям, больше не воспринимаются как настоящая грубость, а сойдут за поведение светского человека. Наше общество также перестало признавать за всеми людьми, как таковыми, человеческую ценность и человеческое достоинство; многие слои человеческой расы стали просто сырьем и собственностью в человеческой форме. Десятилетиями мы говорили о войне и завоеваниях со все возрастающим легкомыслием, как будто это были просто операции на шахматной доске; как это было возможно, если не в результате такого склада ума, который больше не представлял себе судьбу отдельных людей, а думал о них только как о фигурах или объектах, принадлежащих материальному миру? Когда разразилась война, бесчеловечность внутри нас получила свободный ход. И какое количество оскорбительных материалов, некоторые прилично завуалированные, некоторые откровенно грубые, о цветных расах, появилось за последние десятилетия и было принято за правду и разум в нашей колониальной литературе и наших парламентах, и таким образом стало элементом общего общественного мнения! Двадцать лет назад в одном из наших континентальных парламентов обсуждался вопрос о нескольких депортированных неграх, которым было позволено умереть от голода и жажды; и не последовало ни протеста, ни комментариев, когда в заявлении "трибюн" было сказано, что они "были потеряны" ("*эйнгеганген*" или "*крене*"), как будто речь шла о скоте!

В сегодняшнем образовании и школьных учебниках долг человечности отодвинут на задний план, как будто уже не верно, что это первое, что необходимо в воспитании личности, и как будто не имеет большого значения поддерживать его как сильное влияние на нашу

человеческую расу против влияния внешних обстоятельств. Так было не всегда. Было время, когда это имело решающее влияние не только в школах, но и в литературе, вплоть до "Книги приключений". Герой Дефо, Робинзон Крузо, постоянно размышляет о гуманном поведении и чувствует себя настолько ответственным за верность этому долгу, что, защищаясь, постоянно думает о том, как бы пожертвовать наименьшим количеством человеческих жизней; он действительно настолько верен этому долгу человечества, что история его приключений приобретает благодаря этому совершенно своеобразный характер. Есть ли сегодня среди произведений такого рода хоть одно, в котором мы найдем что-либо подобное?

Еще одним препятствием на пути современной цивилизации является чрезмерная организация нашей общественной жизни.

Хотя несомненно, что должным образом упорядоченная окружающая среда является условием и, в то же время, результатом цивилизации, также нельзя отрицать, что после достижения определенной точки внешняя организация развивается за счет духовной жизни. Личность и идеи тогда подчиняются институтам, хотя на самом деле именно они должны влиять на последние и поддерживать их внутреннюю жизнь.

Если в какой-либо сфере общественной жизни создана всеобъемлющая организация, результаты поначалу великолепны, но через некоторое время они снижаются. Вначале реализуются уже существующие ресурсы, но позже разрушительное влияние такой организации на все живое и оригинальное ясно проявляется в ее естественных результатах, и чем последовательнее расширяется организация, тем сильнее ощущается ее эффект в подавлении творческой и духовной активности. Есть современные государства, которые не могут оправиться ни экономически, ни духовно от парализующего воздействия концентрации, восходящей к очень раннему периоду их истории.

Превращение леса в парк и его поддержание как такового может быть шагом к реализации нескольких различных объектов, но тогда все заканчивается богатой растительностью, которая по-своему обеспечит его будущее состояние.

Политические, религиозные и экономические ассоциации сегодня стремятся сформироваться таким образом, чтобы сочетать максимально возможную внутреннюю сплоченность с максимально возможной степенью внешней активности. Конституция, дисциплина и все, что относится к администрации, доведены до доселе неизвестного совершенства. Они достигают своей цели, но точно в той же мере, в какой они достигают этого, эти центры активности перестают работать как живые организации и все больше и больше напоминают усовершенствованные машины. Их внутренняя жизнь теряет богатство и разнообразие, потому что личности, из которых они состоят, должны нуждаться в разложении характера.

Вся наша духовная жизнь в настоящее время протекает внутри организаций. С детства ум современного человека настолько заполнен мыслями о дисциплине, что он теряет ощущение собственной индивидуальности и может видеть себя только мыслящим в духе той или иной группы своих братьев. Тщательное обсуждение одной идеи с другой или между одним человеком и другим, подобное тому, что составляло величие восемнадцатого века, сейчас никогда не встречается. Но в то время страх перед общественным мнением был чем-то неизвестным. Все идеи должны были тогда оправдываться индивидуальным разумом. Сегодня правилом является — и никто его не оспаривает — всегда принимать во внимание взгляды, преобладающие в организованном обществе. Индивид начинает с того, что принимает как должное, что как для него, так и для его соседей уже сложились определенные взгляды, которые они не могут надеяться изменить, взгляды, которые определяются национальностью, вероисповеданием, политической партией, социальным положением и другими элементами в его окружении. Эти взгляды защищены своего рода табу и не только свято охраняются от критики, но и не являются законным предметом обсуждения. Этот вид общения, в котором мы взаимно отрекаемся от наших естественных качеств мыслящих существ, эвфемистически описывается как уважение к убеждениям других людей, как будто там, где нет мысли, вообще могут быть какие-либо убеждения.

Современный человек затерян в массе таким образом, который не имеет прецедента в истории, и это, пожалуй, самая характерная его черта. Его уменьшенная забота о собственной природе делает его таким, какой он есть, восприимчивым, почти патологически, к взглядам, которые общество и его органы выражения ввели в обращение в готовом виде. Поскольку, помимо всего прочего, общество с его хорошо построенной организацией превратилось в силу, пока еще неизвестную в духовной жизни, стремление человека к независимости перед лицом этого стало настолько серьезным, что он почти перестал претендовать на собственное духовное существование. Он подобен резиновому мячику, потерявшему свою эластичность и сохраняющему на неопределенный срок каждое впечатление, которое на него производят. Он находится под каблуком массы и черпает из нее мнения, по которым живет, независимо от того, является ли обсуждаемый вопрос национальным или политическим, или вопросом его собственной веры или неверия.

Однако эта ненормальная подверженность внешним воздействиям не кажется ему слабостью. Он рассматривает это как достижение и в своей безграничной духовной преданности интересам общества считает, что сохраняет величие современного человека. Он намеренно преувеличивает наши естественные социальные инстинкты, превращая их в нечто фантастически великое.

Именно потому, что мы таким образом отказываемся от неотъемлемых прав личности, наша раса не может ни создавать новые идеи, ни использовать существующие для достижения новых целей; ее единственный опыт заключается в том, что преобладающие идеи приобретают все больший авторитет, приобретают все более одностороннее развитие и живут до тех пор, пока не приведут к своим последним и наиболее опасным последствиям.

Таким образом, мы вступили в новый средневековый период. Общая решимость общества вывела свободу мысли из моды, потому что большинство отказывается от привилегии мыслить как свободные личности и позволяет во всем руководствоваться теми, кто принадлежит к различным группам и кликам.

Таким образом, духовная свобода будет восстановлена только тогда, когда большинство людей снова станут духовно независимыми и полагающимися на себя и обнаружат свою естественную и надлежащую связь с теми организациями, в которые были вовлечены их души. Но освобождение от средневековья наших дней будет гораздо более трудным процессом, чем тот, который освободил народы Европы от первого Средневековья. Борьба тогда велась против внешней власти, установленной в ходе истории. Сегодня задача состоит в том, чтобы заставить массу людей выйти из состояния духовной слабости и зависимости, до которого они сами себя довели. Может ли быть задача сложнее?

Более того, никто пока еще ясно не осознает, в каком состоянии духовной нищеты мы находимся сегодня. С каждым годом массы все больше распространяют мнения, за которыми не стоит никакой мысли, и методы этого процесса были настолько усовершенствованы и встречали такой радушный прием, что наша уверенность в том, что мы сможем возвыситься до достоинства общественного мнения самые глупые заявления, где бы это ни казалось необходимым для их принятия в настоящее время, не нуждается в оправдании, прежде чем действовать.

Во время войны контроль над мышлением был достигнут полностью. Пропаганда определенно заняла место истины.

Выбросив за борт независимость мышления, мы, как это было неизбежно, потеряли веру в истину. Наша духовная жизнь дезорганизована, ибо чрезмерная организация нашего внешнего окружения приводит к организации нашего отсутствия мысли.

Отношения между индивидом и обществом были нарушены не только в интеллектуальной сфере, но и в моральной. Отказываясь от своего личного мнения, современный человек отказывается и от своего личного морального суждения.

Чтобы он мог находить хорошим то, что масса объявляет таковым, на словах или на деле, и осуждать то, что она объявляет плохим, он подавляет шевелящиеся в нем угрызания совести. Он не позволяет им высказываться ни с другими, ни с самим собой. Нет таких камней преткновения, которые его чувство единства со стадом не позволило бы ему преодолеть, и таким образом он теряет свое суждение о массе и свою собственную мораль в их глазах.

Прежде всего, таким образом он становится способным оправдывать все бессмысленное, жестокое, несправедливое или плохое в поведении своей нации. Подсознательно для самих себя большинство членов наших варварских цивилизованных государств уделяют все меньше и меньше времени размышлениям как моральные личности, чтобы они не могли постоянно вступать во внутренний конфликт со своими собратьями как единое целое и постоянно преодолевать то, что они считают неправильным.

Общественное мнение помогает им, популяризируя идею о том, что действия общества следует оценивать не столько с точки зрения морали, сколько с точки зрения целесообразности, но они наносят ущерб своей душе. Если мы находим среди современных людей слишком мало людей, чья человеческая и моральная чувствительность все еще не пострадала, главная причина заключается в том, что большинство принесло свою личную мораль на алтарь своей страны, вместо того чтобы оставаться в разладе с массой и действовать как сила, которая толкает последнюю по пути к совершенству.

Таким образом, не только между экономическими и духовными кругами, но также между массой людей и отдельными индивидуумами сложилось состояние неблагоприятных действий и противодействия. Во времена рационализма и серьезной философии индивид получал помощь и поддержку от общества благодаря общей уверенности в победе рационального и морального, которую общество никогда не переставало признавать как нечто объясняющее и оправдывающее само себя. Тогда масса увлекла за собой отдельных людей; она душит нас. Банкротство цивилизованного государства, которое становится все более очевидным с каждым десятилетием, губит современного человека. Деморализация индивида массой идет полным ходом.

Современный человек продолжает свое мрачное путешествие во времена тьмы, как человек, у которого нет свободы, нет умственной собранности, нет всестороннего развития, как человек, который теряет себя в атмосфере бесчеловечности, который отдает свою духовную независимость и свои моральные суждения организованному обществу, в котором он живет, и который со всех сторон сталкивается с препятствиями на пути истинной цивилизации. Философия не понимает опасного положения, в которое он поставлен, и поэтому не делает никаких попыток помочь ему. Она даже не побуждает его задуматься о том, что происходит с ним самим.

Ужасная истина о том, что с историческим прогрессом и экономическим развитием мира развивать истинную цивилизацию становится не легче, а труднее, никогда не была озвучена.

ГЛАВА III

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ПО СУЩЕСТВУ ЭТИЧНА ПО СВОЕМУ ХАРАКТЕРУ

Что такое цивилизация? Происхождение неэтичной концепции цивилизации. Наше чувство реальности. Наше историческое чувство. Национализм. Национальная цивилизация. Наше обманчивое доверие к фактам и организации. Истинное восприятие реальности.

Этот вопрос должен был бы привлечь внимание всех людей, считающих себя цивилизованными, но примечательно, что в мировой литературе в целом едва ли можно найти, чтобы он вообще ставился до сегодняшнего дня, и еще реже дается какой-либо ответ. Предполагалось, что нет необходимости в определении цивилизации, поскольку мы уже обладали самой этой вещью. Если этот вопрос когда-либо затрагивался, то считался достаточно урегулированным со ссылками на историю и сегодняшний день. Но сейчас, когда события неумолимо подводят нас к осознанию того, что мы живем в опасной смеси цивилизации и варварства, мы должны, хотим мы того или нет, попытаться определить природу истинной цивилизации.

Для довольно общего определения мы можем сказать, что цивилизация - это прогресс, материальный и духовный прогресс, как отдельных людей, так и массы.

В чем это заключается? Прежде всего, в уменьшении напряжения, налагаемого на индивидов и на массы борьбой за существование. Создание как можно более благоприятных условий жизни для всех - это требование, которое должно быть выдвинуто отчасти ради него самого, отчасти с

целью духовного и нравственного совершенствования индивидов, что является конечной целью цивилизации.

Борьба за существование носит двойной характер: человек должен утвердить себя в природе и против природы, а также среди своих собратьев и против них.

Ослабление борьбы обеспечивается укреплением верховенства разума как над внешней природой, так и над природой человека и заставлением его как можно точнее служить предлагаемым целям.

Таким образом, цивилизация двойка по своей природе: она осознает себя в господстве разума, во-первых, над силами природы и, во-вторых, над склонностями людей.

Какой из этих видов прогресса является наиболее подлинным прогрессом цивилизации? Последний, хотя и наименее открыт для наблюдения. Почему? По двум причинам. Во-первых, превосходство, которое мы обеспечиваем разумом над внешней природой, представляет собой не безусловный прогресс, но прогресс, который приносит со своими преимуществами также и недостатки, которые могут привести к варварству. Причину, по которой экономические обстоятельства нашего времени ставят под угрозу нашу цивилизацию, следует искать отчасти в том факте, что мы поставили себе на службу природные силы, которые могут быть воплощены в машинах. Но при этом должно быть такое превосходство разума над склонностями людей, чтобы они и нации, которые они образуют, не использовали друг против друга силу, которую дает им контроль над этими силами, и таким образом не ввергали друг друга в борьбу за существование, которая гораздо более ужасна, чем борьба между людьми в естественном состоянии.

Таким образом, нормальная претензия на цивилизованность может считаться действительной только тогда, когда она признает это различие между тем, что существенно в цивилизации, а что нет.

Оба вида прогресса действительно можно назвать духовными в том смысле, что они оба основаны на духовной активности человека, однако мы можем назвать превосходство над силами природы материальным прогрессом, потому что при нем материальные объекты осваиваются и используются человеком. С другой стороны, превосходство разума над человеческими склонностями является духовным достижением в другом смысле, поскольку оно означает воздействие духа на дух, т.е. воздействия одной части силы отражения на другую ее часть.

А что подразумевается под превосходством разума над человеческими склонностями? Это означает, что как отдельные люди, так и масса позволяют своему желанию определяться материальным и духовным благом целого и составляющих его индивидов; иными словами, их действия этичны. Таким образом, этический прогресс - это то, что действительно составляет сущность цивилизации и имеет только одно значение; материальный прогресс - это то, что вообще не является существенным и может оказывать двойное влияние на развитие цивилизации. Эта моральная концепция цивилизации покажется некоторым людям рационалистической и старомодной. Духу нашего времени больше соответствует представление о цивилизации как о естественном проявлении жизни в ходе эволюции человека, но с самыми интересными осложнениями. Однако нас интересует не то, что

гениально, а то, что истинно. В данном случае простое и есть истина — неудобная истина, разобраться с которой - наша трудоемкая задача.

Попытки провести различие между цивилизацией как тем, что немцы называют “Культурой”, и цивилизацией как простым материальным прогрессом направлены на то, чтобы познакомить мир с идеей неэтичной формы цивилизации наряду с этичной и наделить первую словом исторического значения. Но ничто в истории слова “цивилизация” не оправдывает таких попыток. Это слово, обычно используемое до сих пор, означает то же самое, что немецкое “культура”, а именно развитие человека до состояния более высокой организации и более высокого морального стандарта. Некоторые языки предпочитают одно слово, другие - другое. Немец обычно говорит о “культуре”, француз обычно о “цивилизации”, но установление различия между ними не оправдано ни филологически, ни исторически. Мы можем говорить об этичной и неэтичной “Культуре” или об этичной и неэтичной “цивилизации”, но не о “Культуре” и “цивилизации”.

Но как получилось, что мы утратили идею о том, что этическое имеет решающее значение и ценность как часть цивилизации?

Все попытки создания цивилизации до сих пор были результатом процессов, в которых силы прогресса действовали почти во всех сферах жизни. Великие достижения в искусстве, архитектуре, управлении, экономике, промышленности, торговле и колонизации сменяли друг друга, придавая духовный импульс, который породил более высокое представление о вселенной. Любой отлив цивилизации давал о себе знать как в материальной сфере, так и в этической и духовной, причем, как правило, раньше в первой, чем во второй. Таким образом, в греческой цивилизации уже во времена Аристотеля наступила непонятная остановка науки и политических достижений, тогда как этическое движение достигло своего завершения только в последующие столетия в той великой просветительской работе, которая была предпринята в древнем мире философией стоиков. В китайской, индийской и еврейской цивилизациях способность обращаться с материальными вещами с самого начала была и всегда оставалась на более низком уровне, чем духовные и этические усилия этих рас.

В движении цивилизации, начавшемся с эпохи Возрождения, как материальные, так и духовно-этические силы прогресса действовали бок о бок, как бы соперничая друг с другом, и это продолжалось вплоть до начала девятнадцатого века. Однако затем произошло нечто беспрецедентное: этическая энергия человека угасла, в то время как завоевания, достигнутые его духом в материальной сфере, увеличивались не по дням, а по часам. Таким образом, в течение нескольких десятилетий наша цивилизация пользовалась огромными преимуществами своего материального прогресса, в то время как она еще почти не ощущала последствий угасания этического движения. Люди продолжали жить в созданных условиях. Этим движением, не видя ясно, что их позиция больше не является прочной, и готовясь встретить бурю, которая назревала в отношениях между нациями и внутри самих наций. Таким образом, наше время, никогда не утруждавшее себя размышлениями, пришло к мнению, что

цивилизация состоит в первую очередь из научных, технических и художественных достижений и что она может достичь своей цели без этики или, во всяком случае, с минимумом из них.

Общественное мнение преклонялось перед этой чисто внешней концепцией цивилизации, потому что она была представлена исключительно людьми, чье положение в обществе и научной культуре, казалось, свидетельствовало о том, что они компетентны судить в вопросах духовной жизни.

Каков был результат нашего отказа от этической концепции цивилизации и, следовательно, от всех попыток привести обоснованные этические идеалы в эффективное соответствие с реальностью? Дело было в том, что вместо того, чтобы использовать мысль для создания идеалов, которые соответствовали бы реальности, мы оставили реальность вообще без каких-либо идеалов. Вместо того чтобы вместе обсуждать основные элементы, такие как численность населения, государство, Церковь, общество, прогресс, которые определяют характер нашего социального развития и развития человечества в целом, мы довольствовались тем, что отталкивались от того, что дается опытом. Следовало учитывать только те силы и тенденции, которые уже действовали. Фундаментальные истины и убеждения, которые должны были вызывать логическое или этическое принуждение, мы больше не признавали. Мы отказывались верить, что какие-либо идеи могут быть применимы к реальности, кроме тех, которые почерпнуты из опыта. Таким образом, идеалы, которые были сознательно и намеренно принижены, доминировали в нашей духовной жизни и во всем мире.

Как мы прославляли наш практический здравый смысл, который должен был дать нам такую силу в общении с миром! И все же мы вели себя, действительно, как мальчишки, которые с восторгом отдаются на волю сил природы и со свистом съезжают с холма на своих санях, не спрашивая себя, смогут ли они успешно управлять своим транспортным средством, когда доберутся до следующего поворота или следующего неожиданного препятствия.

Только убеждение, основанное на обоснованных этических идеалах, способно вызвать свободную деятельность, *то есть* деятельность, сознательно спланированную с учетом ее цели. По мере того, как идеалы, взятые из повседневного мира, сочетаются с ним, реальность влияет на реальность. Но тогда человеческая душа действует просто как агент унижительных изменений.

События, которые должны привести к практическим результатам внутри нас, прорабатываются и формируются нашим менталитетом. Этот менталитет имеет определенный характер, и от этого характера зависит природа тех ценностных суждений, которые определяют наше отношение к фактам.

Обычно этот характер проявляется в обоснованных идеях, которые возникают при нашем размышлении о реальности. Если они исчезают, не остается пустоты, в которой “события сами по себе” могут влиять на нас, но контроль над нашим менталитетом переходит теперь к мнениям и чувствам, которыми до сих пор управляли и удерживали в подчинении наши обоснованные идеи. Когда девственный лес вырубается, на том месте, где раньше были большие деревья, вырастает хворост. Всякий раз, когда наши великие убеждения разрушаются, их место занимают меньшие, которые хуже выполняют функции первых.

Следовательно, с отказом от этических идеалов, сопровождающим нашу страсть к реальности, наша практическая эффективность не повышается, а снижается. Это не делает современного человека хладнокровным наблюдателем и вычислителем, каким он себя считает, поскольку он находится под влиянием мнений и эмоций, которые порождаются в нем фактами. Все это бессознательно он смешивает с тем, что является работой его разума, так много эмоционального, что одно портит другое. Внутри этого круга движутся суждения и импульсы нашего общества, независимо от того, имеем ли мы дело с самыми крупными вопросами или с самыми мелкими. Как отдельные люди, так и нации, мы без разбора имеем дело с реальными и воображаемыми ценностями, и именно эта путаница реального и нереального, трезвого мышления и способности с энтузиазмом относиться к незначительному делает менталитет современного человека таким загадочным и таким опасным.

Таким образом, наше чувство реальности означает следующее: в результате эмоциональных и недалёковидных расчетов выгоды мы позволяем одному факту немедленно проявиться в другом, и так до бесконечности. Поскольку мы сознательно не стремимся к какой-либо определенно запланированной цели, нашу деятельность действительно можно описать как своего рода естественное явление.

Мы реагируем на факты самым иррациональным образом. Без плана или фундамента мы строим свое будущее в соответствии с обстоятельствами времени и оставляем его беззащитным перед разрушительным воздействием хаотической борьбы, которая продолжается среди них. “Наконец-то твердая почва”! мы плачем и беспомощно тонем в потоке событий.

Слепота, с которой мы переносим эту участь, усугубляется нашей верой в наше историческое чувство, которое в этой связи есть не что иное, как наше чувство реальности, перенесенное назад. Мы считаем себя критически настроенным поколением, которое, благодаря своему доскональному знанию прошлого, в состоянии понять направление, в котором событиям суждено развиваться от настоящего к будущему. Мы добавляем к идеалам, взятым из существующей реальности, другие, которые мы заимствуем из истории.

Достижения исторической науки, достигнутые девятнадцатым веком, действительно заслуживают нашего восхищения, но другой вопрос, обладает ли наше поколение, при всем его знании исторической науки, истинным историческим чутьем.

Исторический смысл в полном значении этого термина подразумевает критическую объективность как перед лицом далеких, так и недавних событий. Сохранять эту способность свободной от предвзятости мнений и интересов при оценке фактов - сила, которой не обладают даже наши историки. Пока они имеют дело с периодом настолько отдаленным, что он не имеет отношения к настоящему, они критичны настолько, насколько это позволяют взгляды школы, к которой они принадлежат. Но если прошлое находится в какой-либо реальной связи с "сегодняшним днем", мы можем сразу заметить в их оценке влияние их конкретной точки зрения, рациональной, религиозной, социальной или экономической.

Примечательно, что, хотя за последние несколько десятилетий образованность наших историков, без сомнения, возросла, их критическая объективность - нет. Предыдущие исследователи держали этот идеал перед своими глазами в гораздо большей чистоте, чем современные; мы зашли так далеко, что больше не выдвигаем всерьез требования, чтобы в научных исследованиях прошлого подавлялись все предрассудки, проистекающие из национальности или вероисповедания. В наши дни довольно часто величайшая ученость связана с сильнейшей предвзятостью. В нашей исторической литературе высшие позиции занимают произведения, написанные с пропагандистскими целями.

Наука оказала на наших историков так мало воспитательного влияния, что они часто с такой же страстью, как и все остальные, придерживались мнений своего собственного народа, вместо того чтобы призывать последний к взвешиванию фактов, как это было их профессиональным долгом; они оставались всего лишь учеными людьми. Они даже не приступили к выполнению задачи, ради которой поступили на службу цивилизации, и надежды цивилизации, которые в середине девятнадцатого века возлагались на развитие исторической науки, оправдались так же мало, как и те, которые были связаны с требованием национальных государств и демократических форм правления.

Поколение, воспитанное такими учителями, естественно, не имеет большого представления о возвышенной или активной концепции событий. При точном рассмотрении его характерной чертой является не столько то, что мы понимаем наше прошлое лучше, чем предыдущие поколения понимали свое, сколько то, что мы придаем прошлому необычайно повышенное значение для настоящего. Время от времени мы фактически заменяем им последнее. Нам недостаточно того, что то, что было, присутствует в своих результатах в том, что есть сейчас; мы хотим иметь это всегда с собой и чувствовать, что это определяет нас.

В этом стремлении постоянно переживать наш исторический процесс становления и признавать его мы заменяем наше нормальное отношение к прошлому искусственным, и, желая найти в прошлом все наше настоящее, мы злоупотребляем им, чтобы вывести из него выводы и узаконить, апеллируя к нему, наши притязания, наши мнения, наши чувства и наши страсти. На глазах у нашего исторического образования возникает сфабрикованная история для массового использования, в которой нынешние национальные и конфессиональные идеи безоговорочно одобряются и поддерживаются, а наши школьные учебники истории становятся обычными кладбищами исторической лжи.

Неправильное использование истории является для нас необходимостью. Идеи и склонности, которые правят нами, не могут быть оправданы разумом; нам ничего не остается, кроме как заложить им основы в истории.

Важно, что у нас нет реального интереса к тому, что ценно в прошлом. Его великие духовные достижения механически регистрируются, но мы не позволяем им коснуться нас. Еще меньше мы принимаем их как наследие; ничто не имеет для нас никакой ценности, кроме того, что может соответствовать нашим планам, страстям, чувствам и эстетическим настроениям сегодняшнего дня. Имея это, мы сами живем ложью о прошлом, а затем с непоколебимой уверенностью утверждаем, что наши корни уходят в него.

Таков характер того почтения, которое мы оказываем истории. Ослепленные тем, что мы считаем или объявляем прошедшим, с чем покончено, мы теряем всякий смысл того, что должно произойти, так что ни о чем не можем сказать: “Это закончено”, теперь ничего не свершается. Снова и снова мы позволяем прошлому искусственно всплывать в настоящем и наделяем ушедшие факты постоянством бытия, которое делает совершенно невозможным нормальное развитие наших народов. Точно так же, как наше чувство реальности заставляет нас теряться в событиях сегодняшнего дня, наша история заставляет нас делать то же самое в событиях прошлого.

Из этих двух вещей, нашего чувства реальности и нашего исторического чувства, рождается национализм, к которому мы должны отнести внешнюю катастрофу, в которой завершается упадок нашей цивилизации.

Что такое национализм? Это низменный патриотизм, преувеличенный до потери всякого смысла, который имеет такое же отношение к благородному и здоровому виду, какое навязчивая идея слабоумного имеет к нормальному убеждению.

Как это развивается среди нас?

Примерно в начале девятнадцатого века ход мыслей придал национальному государству его законное положение, отталкиваясь при этом от аксиомы, что оно, как естественный и однородный организм, было лучше, чем любой другой, рассчитано на то, чтобы превратить идеал цивилизованного государства в работающую реальность. В обращениях Фихте к немецкой нации национальное государство предстает перед судом морального разума и узнает, что оно должно во всем подчиняться последнему. Оно дает необходимые обещания и сразу же получает поручение создать цивилизованное государство. Ей настоятельно дается понять, что она должна признать своей высшей задачей непрерывное и неуклонное развитие чисто человеческого элемента в жизни нации. Это значит стремиться к величию, представляя идеи, которые могут принести исцеление народам. Его граждан призывают демонстрировать свою принадлежность к нему не через низший, а через высший патриотизм, то есть не переоценивать его внешнее величие и мощь, но быть осторожными в том, чтобы считать своей целью “раскрытие того, что является вечным и богоподобным в мире”, и следить за тем, чтобы их цели совпадали с высшими целями человечества. Таким образом, национальное чувство находится под опекой разума, морали и цивилизации. Культ патриотизма как таковой следует рассматривать как варварство; он действительно заявляет о себе как о таковом посредством бесцельных войн, которые он неизбежно влечет за собой.

Таким образом, идея национальности была возведена в ранг ценностного идеала цивилизации. Когда цивилизация начала приходить в упадок, рухнули и все другие ее идеалы, но идея национальности сохранилась, потому что она перенеслась в сферу реальности. Отныне она вобрала в себя все, что осталось от цивилизации, и стала идеалом, суммирующим все остальные. Таким образом, здесь мы имеем объяснение менталитета нашего времени, который концентрирует весь энтузиазм, на который он способен, на идее национальности и считает, что обладает в ней всеми моральными и духовными благами.

Но с упадком цивилизации характер идеи национальности изменился. Опека, осуществляемая над ней другими моральными идеалами, которым она до сих пор подчинялась, теперь прекратилась, поскольку они сами подверглись испытанию, и националистическая идея начала путь независимости. Оно, конечно, утверждало, что работает на благо цивилизации, но на самом деле это была всего лишь идея реальности с ореолом цивилизации вокруг нее, и оно руководствовалось не этическими идеалами, а только инстинктами, которые имеют дело с реальностью.

То, что разуму и морали не должно быть позволено ни слова сказать о формировании националистических идей и устремлений, требует сегодня масса людей как защиты их самых священных чувств.

Если в прежние времена упадок цивилизации не вызывал такого замешательства в чувствах различных наций, то это объяснялось тем, что идея национальности тогда не была возведена таким же образом в ранг идеала цивилизации. Следовательно, было невозможно, чтобы оно проникло на место истинных идеалов цивилизации и с помощью ненормальных националистических концепций и установок привело к активному существованию сложную систему нецивилизации.

То, что в национализме нам приходится иметь дело не столько с вещами, сколько с тем нездоровым способом, которым они трактуются в воображении толпы, ясно из всего ее поведения. Она утверждает, что придерживается политики практических результатов (Realpolitik); на самом деле она ни в коем случае не представляет бескомпромиссно деловой взгляд на все вопросы внутренней и внешней политики, но наряду со своим эгоизмом демонстрирует определенную долю энтузиазма. Его практическая политика представляет собой переоценку определенных вопросов территориальных экономических интересов, переоценку, которая была возведена в ранг догмы и идеализирована, а теперь поддерживается народными настроениями. Оно борется за свои требования, не установив никакого должным образом продуманного расчета их реальной стоимости. Чтобы иметь возможность оспаривать обладание миллионными ценностями, современное государство нагроулило себя вооружением стоимостью в сотни миллионов. Намереваясь позаботиться о защите и расширении своей торговли, она обложила последнюю налогами, которые ставили под угрозу ее способность конкурировать со своими конкурентами гораздо больше, чем любая из мер, принятых этими конкурентами.

Таким образом, его практическая политика была, по правде говоря, непрактичной политикой, потому что она позволяла проникать народным чувствам и тем самым делала простейшие вопросы неразрешимыми. Этот стиль политики выставлял экономические интересы на витрину

магазина, в то время как идеи о величии и завоеваниях, присущие национализму, оставались на складе.

Каждое цивилизованное государство, чтобы увеличить свою мощь, собирало союзников везде, где только могло. Таким образом, получивилизованные и нецивилизованные расы были призваны цивилизованными для борьбы с цивилизованными соседями последних, и эти помощники не были довольны той подчиненной *ролью*, которая была им отведена. Они приобретали все большее и большее влияние на ход событий, пока, наконец, не оказались в состоянии решать, когда цивилизованным нациям Европы следует начать борьбу друг с другом из-за них. Так обрушилась на нас Немезида за то, что мы отказались от наших желаний и предали нецивилизованному миру все, что у нас еще было из вещей, имеющих универсальную ценность.

Показательным для нездорового характера “практической” политики национализма было то, что он всячески пытался приукрасить себя мишурной имитацией идеализма. Борьба за власть превратилась в борьбу за право и цивилизацию; союзы для продвижения своих эгоистичных интересов, которые различные нации заключали друг с другом вопреки всем остальным, выдавались за дружбу и духовное родство. Как таковые, они уходили корнями в прошлое, хотя история могла сказать гораздо больше о наследственных распрях, чем о духовных взаимоотношениях.

Наконец, национализм не удовлетворился тем, что в сфере политики вообще отбросил все попытки создать действительно цивилизованное человечество; он исказил саму идею цивилизации и говорил о национальной цивилизации.

Когда-то существовало то, что было известно просто как цивилизация, и каждая цивилизованная нация стремилась обладать ею в ее самой чистой и всесторонне развитой форме. В этом отношении национальность имела в тогдашней идее цивилизации нечто гораздо более оригинальное и менее испорченное, чем в той же идее сегодня. Если, несмотря на это, у народов не возникло стремления отделить духовную жизнь каждого из них от духовной жизни соседей, то у нас есть доказательство того, что национальность сама по себе не является тем сильным элементом в народе, который требовал этого. Такое утверждение, как сегодня, о существовании *национальной цивилизации*, является нездоровым явлением. Это предполагает, что современные цивилизованные народы утратили свою здоровую природу и следуют больше не инстинктам, а теориям. Они до такой степени воздействуют на свои души, что те больше не способны ни на какие естественные действия. Они анализируют и описывают их так непрерывно, что, думая о том, какими они должны быть, забывают, каковы они на самом деле. Вопросы духовных различий между расами обсуждаются так тонко, с таким упорством и

догматизмом, что разговор действует как навязчивая идея, а особенности, о которых говорят, что они существуют, проявляются как воображаемые болезни.

В каждой сфере жизни все больше и больше усилий прилагается к тому, чтобы сделать ясно видимыми в результатах, которые из них следуют, эмоции, идеи и рассуждения массы людей. Любая особенность, сохраненная и взращенная таким образом, показывает, что ее естественный аналог погиб. Индивидуальный элемент в личности народа больше не является чем-то бессознательным или полусознательным и по-разному отражается на всей духовной жизни нации. Это становится искусством, модой, саморекламой, манией. В стране рождается масса идей, серьезные результаты которых в каждой области становятся все более очевидными с каждым годом. Духовная жизнь некоторых ведущих цивилизованных наций уже приобрела, по сравнению с прежними временами, такой монотонный оттенок, что заставляет наблюдателя испытывать беспокойство.

Неестественный характер этого развития проявляется не только в его результатах, но и в той роли, которую оно позволяет играть тщеславию, сомнению и самообману. Все ценное в личности или успешном начинании приписывается какому-то особому совершенству в национальном характере. Предполагается, что чужая земля неспособна произвести то же самое или что-либо подобное, и в большинстве стран это тщеславие достигло такой высоты, что величайшие безумства больше не находятся за пределами его досягаемости.

Само собой разумеется, что за этим следует серьезный упадок духовного элемента в национальной цивилизации. Более того, духовность - это лишь своего рода маскировка; на самом деле она носит откровенно материалистический характер. Это квинтэссенция всех внешних достижений данной нации и проявляется в соответствии с ее экономическими и политическими требованиями. Хотя утверждается, что националистическая цивилизация основана на национальных особенностях, она не будет, как мы обычно ожидаем, ограничиваться самой нацией; она чувствует себя призванной навязывать себя другим и делать их счастливыми! Современные нации ищут рынки сбыта для своей цивилизации, как и для своей продукции!

Таким образом, национальная цивилизация является предметом пропаганды и экспорта, а необходимая публичность обеспечивается щедрыми расходами. Необходимые фразы могут быть получены в готовом виде, и их нужно только связать воедино. Таким образом, мир ввязался в соревнование между национальными цивилизациями, и между самими этими цивилизациями дела обстоят плохо.

Народы Европы вступили в Средние века бок о бок как наследники греко-римского мира и жили бок о бок в условиях самых свободных взаимоотношений на протяжении всего Возрождения, периода иллюминатов и философии более позднего времени. Но мы больше не верим, что они со своими ответвлениями на других континентах образуют неделимую единицу цивилизации. Если, однако, в нынешнюю эпоху различия в их духовной жизни начали проявляться более отчетливо, то причина этого в том, что уровень цивилизации упал. Во время отлива становятся видны отмели, разделяющие глубоководные участки; во время прилива они остаются вне поля зрения.

Насколько тесно нации, составляющие великое тело цивилизованного человечества, все еще связаны духовно, показывает тот факт, что все они бок о бок пережили один и тот же упадок.

С нашим чувством реальности связана, кроме того, ложная уверенность, которую мы питаем к фактам. Мы живем в атмосфере оптимизма, как будто противоречия, проявляющиеся в мире, автоматически выстраиваются таким образом, чтобы способствовать хорошо продуманному прогрессу, и примиряются в результате синтеза, в котором сливаются ценные части тезиса и антитезиса.

В оправдание этого оптимизма апеллируют, как справедливо, так и ошибочно, к Гегелю. Нельзя отрицать, что он - духовный отец нашего чувства реальности; он - первый мыслитель, который попытался относиться к вещам просто так, как они существуют. Он научил нас понимать метод продвижения в тезисах, антитезисах и синтезах по мере того, как они проявляются в ходе событий. Но его оптимизм не был простым оптимизмом по отношению к фактам, как наш. Он все еще жил в духовном мире рационализма и верил в силу этических идей, выработанных разумом; вот почему он также верил в уверенность в непрерывном духовном прогрессе. И именно потому, что это было чем-то, на что он мог положиться, он взялся показать, как это должно проявляться в последовательных фазах событий и в то же время как это становится реальностью в потоке внешних фактов. Подчеркивая, однако, прогрессивную цель, которую он считает имманентной ходу событий, настолько сильно, что можно забыть этико-духовные предпосылки своей веры в прогресс, он готовит почву для бездуховного оптимизма по отношению к реальности, который десятилетиями вводил нас в заблуждение. Между самими фактами нет ничего, кроме бесконечной серии противоречий. Новый промежуточный факт, в котором они противодействуют друг другу, чтобы сделать возможным прогресс, они не могут создать сами по себе. Этот факт может утвердиться только в том случае, если противоречия разрешатся сами собой в рамках аргументированного взгляда, в котором существуют этические представления о состоянии вещей, которые стремятся реализовать. Таковы формирующие принципы для нового элемента, который должен возникнуть из противоречий, и только при таком аргументированном этическом взгляде последние перестают быть слепыми, не приводящими ни к какому результату.

Именно потому, что мы предполагали существование принципов, прогресса в фактах, мы рассматривали исторический прогресс, в ходе которого готовилось наше будущее, как прогресс цивилизации, даже несмотря на то, что эволюция осуждала наш оптимизм. И даже сейчас, когда факты самого ужасного характера громко кричат против этого, мы боимся отказаться от нашего вероучения. На самом деле, это больше не дает нам никакого реального просветления, но альтернатива, основывающаяся оптимизм на вере в этический дух, означает такую революцию в нашем образе мышления, что нам трудно принимать ее во внимание.

С нашей опорой на факты связана наша опора на организации. Деятельность и цели нашего времени проникнуты своего рода навязчивой идеей о том, что если бы мы только могли преуспеть в совершенствовании или реформировании в том или ином направлении институтов нашей общественной жизни, прогресс, которого требует цивилизация, начался бы сам собой.

Мы, действительно, достаточно далеки от единодушия относительно плана, необходимого для реформирования наших порядков: в одном разделе излагается антидемократический план; другие считают, что наша ошибка заключается в том, что демократические принципы еще не применялись последовательно; третьи, опять же, видят спасение только в социалистической или коммунистической организации общества. Но все согласны приписывать наше нынешнее состояние с его отсутствием истинной цивилизации провалу наших институтов; все ожидают достижения такой цивилизации благодаря новой организации общества; все едины в мысли, что с новыми институтами возникнет новый дух.

В этой ужасной неразберихе запутаны не только нерефлексирующие массы, но и многие из самых серьезных среди нас. Материализм нашего времени перевернул соотношение между духовным и реальным. Он верит, что нечто, имеющее духовную ценность, может возникнуть в результате обработки фактов. Ожидалось даже, что война принесет нам духовное возрождение! Однако на самом деле отношения между ними работают в противоположном направлении. Духовный элемент, имеющий реальную ценность, может, если он присутствует, повлиять на формирование реальности таким образом, чтобы добиться желаемых результатов, и, таким образом, может создавать факты в поддержку самого себя. Все институты и организации имеют лишь относительное значение. При самом разнообразном социальном и политическом устройстве все различные цивилизованные нации скатились к одной и той же глубине варварства. То, что мы пережили и все еще переживаем, несомненно, должно убедить нас в том, что дух - это все, а институты значат очень мало. Наши институты потерпели неудачу, потому что в них действует дух варварства. Наилучшие запланированные улучшения в организации нашего общества (хотя мы совершенно правы, пытаясь их обеспечить) вообще не смогут нам помочь, пока мы не станем в то же время способны привнести новый дух в нашу эпоху.

Трудные проблемы, с которыми нам приходится иметь дело, даже те, которые полностью лежат в материальной и экономической сфере, в конечном итоге могут быть решены только внутренним изменением характера. Самые мудрые реформы в организации могут лишь немного приблизить их к решению, но никогда не приведут к цели. Единственный мыслимый способ осуществить реконструкцию нашего мира на новых началах - это прежде всего самим стать новыми людьми в старых обстоятельствах, а затем как обществу с новым складом ума сгладить противостояние между нациями, чтобы снова стало возможным состояние истинной цивилизации. Все остальное - более или менее напрасный труд, потому что таким образом мы строим не на духе, а на том, что является чисто внешним.

В сфере человеческих событий, которые решают будущее человечества, реальность заключается во внутреннем убеждении, а не в данных внешних фактах. Твердую почву для наших ног мы находим в обоснованных этических идеалах. Собираемся ли мы черпать силу духа, чтобы создать новые условия и снова повернуться лицом к цивилизации, или мы собираемся продолжать черпать свой дух из нашего окружения и идти вместе с ним к гибели? Это судьбоносный вопрос, с которым мы сталкиваемся.

Истинное восприятие реальности - это то понимание, которое говорит нам, что только через этические представления о вещах мы можем прийти к нормальному отношению к реальности. Только так человек и общество могут обрести всю власть над событиями, которую они в состоянии использовать. Без этой власти мы, что бы мы ни решили делать, попадаем в их рабство.

То, что происходит сегодня между нациями и внутри них, бросает яркий свет на эту истину. История нашего времени характеризуется отсутствием разума, которому нет аналогов в прошлом. Когда-нибудь будущие историки детально проанализируют эту историю и проверят с ее помощью свою образованность и свою свободу от предрассудков. Но для всех будущих времен, как и для сегодняшнего, будет только одно объяснение, а именно, что мы стремились жить и продолжать жить в цивилизации, за которой не стояло никаких этических принципов.

ГЛАВА IV

ПУТЬ К ВОССТАНОВЛЕНИЮ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Цивилизационные идеалы стали бессильны. Эволюция и упадок в истории цивилизации. Реформа институтов и реформа убеждений. Индивид как единственный участник восстановления цивилизации. Трудности, с которыми сталкивается восстановление цивилизации.

Таким образом, этическая концепция цивилизации - единственная, которая может быть оправдана.

Но где тот путь, который может вернуть нас от варварства к цивилизации? Существует ли такой путь вообще?

Неэтичная концепция цивилизации отвечает: "Нет". Для него все симптомы упадка являются симптомами старости, и цивилизация, как и любой другой естественный процесс роста, должна по прошествии определенного периода времени достичь своего окончательного завершения. Следовательно, нам ничего не остается, как признать причины этого вполне естественными и, во всяком случае, сделать все возможное, чтобы заинтересовать неучитываемые явления ее одряхления, свидетельствующие о постепенной утрате этического характера цивилизации.

Таким образом, в мышлении, которое подчиняется нашему чувству реальности, оптимизм и пессимизм неразрывно переплетаются. Если наш оптимизм в отношении реальности оказывается несостоятельным, оптимизм, который думает, что непрерывный прогресс развивается сам по себе среди фактов как таковых, тогда дух, который сверху созерцает и анализирует ситуацию, без особого беспокойства обращается к мягкому пессимистическому предположению, что цивилизация достигла своего бабьего лета.

Этический дух не может участвовать в этой маленькой игре "Оптимизм или пессимизм?" Он видит симптомы упадка такими, какие они есть на самом деле, а именно чем-то ужасным. Он с содроганием спрашивает себя, что станет с миром, если этот процесс умирания действительно будет продолжаться бесконтрольно. Состояние цивилизации является для него источником боли, поскольку цивилизация - это не объект, который интересно анализировать, а надежда, с которой связаны его мысли о будущем существовании расы. Вера в возможность обновления

цивилизации является действительной частью ее жизни; вот почему она больше не может успокаивать себя тем, что содержит чувство реальности, поскольку она колеблется между оптимизмом и пессимизмом.

Те, кто считает упадок цивилизации чем-то вполне нормальным и естественным, утешают себя мыслью, что это не цивилизация, а цивилизация, которая становится жертвой распада; что наступит новая эпоха и новая раса, в которой расцветет новая цивилизация. Но это ошибка. На земле больше нет в резерве, как это было когда-то, одаренных людей, пока еще неиспользованных, которые могут заменить нас и занять наше место в каком-то отдаленном будущем в качестве лидеров духовной жизни. Мы уже знаем всех, от кого должна избавиться земля. Среди них нет ни одного, кто уже не принимал бы такого участия в нашей цивилизации, что его духовная судьба определяется нами самими. Все они, одаренные и бездарные, далекие и близкие, ощутили на себе влияние тех варварских сил, которые действуют среди нас. Все они, как и мы, больны, и только когда мы выздоравливаем, они могут выздороветь.

Мы должны отказаться не от цивилизации какой-либо расы, а от цивилизации человечества, как настоящего, так и будущего, если вера в возрождение нашей цивилизации тщетна.

Но от этого не нужно так отказываться. Если этическое является существенным элементом цивилизации, то декаданс сменяется возрождением, как только этическая деятельность снова начинает работать в наших убеждениях и идеях, которые мы беремся закрепить в реальности. Попытка добиться этого того стоит, и она должна быть всемирной.

Верно, что трудности, с которыми приходится считаться в этом начинании, настолько велики, что только самая сильная вера в силу этического духа позволит нам отважиться на это.

Первая из них - неспособность нашего поколения понять, что есть и должно быть. Люди эпохи Возрождения и иллюминаты восемнадцатого века черпали мужество в желании обновить мир с помощью идей из своей убежденности в абсолютной ненадежности материальных и духовных условий, в которых они жили. До тех пор, пока и у нас многие не придут к какому-то подобному убеждению, мы должны оставаться неспособными взяться за эту работу, в которой мы должны им подражать. Но многие упрямо отказываются видеть вещи такими, какие они есть, и изо всех сил придерживаются самого оптимистичного взгляда на них, какой только возможен. Однако за эту способность идеализировать с помощью постоянно снижающихся идеалов реальность, которая, как считается, все менее и менее удовлетворяет, отчасти ответственен и пессимизм. Наше поколение, хотя и гордится своими многочисленными достижениями, больше не верит в то, что имеет первостепенное значение: в духовный прогресс человечества. Отказавшись от ожидания этого, оно может мириться с нынешним веком, не испытывая таких страданий, которые заставили бы его, несмотря на сильную боль, стремиться к новому. Какой задачей будет разорвать оковы бездумного оптимизма и бездумного пессимизма, которые держат нас в плену, и таким образом сделать то, что проложит путь к обновлению цивилизации!

Вторая трудность, с которой сталкивается работа, лежащая перед нами, заключается в том, что это часть реконструкции. Идеи цивилизации, в которых нуждается наш век, не новы и не чужды ему. Они уже были в распоряжении человечества, и их можно найти во многих устаревших формулах. Нам, в сущности, ничего другого не остается, как восстановить к ним уважение, которым они когда-то пользовались, и снова относиться к ним серьезно, поскольку мы приводим их в соответствие с реальностью, которая лежит перед нами для лечения.

Сделать то, что израсходовано, пригодным для использования — есть ли задача сложнее? “Это невыполнимая задача”, - говорит история. “Никогда до сих пор изношенные идеи не обретали новой силы среди народов, которые изжили их. Их исчезновение всегда было окончательным”.

Это верно. В истории цивилизации мы не находим ничего, кроме разочарования в нашей задаче. Любой, кто считает, что история говорит оптимистично, одалживает ей язык, который ей не принадлежит.

Однако из истории прошлого мы можем сделать вывод только о том, что было, а не о том, что будет. Даже если это докажет, что ни один отдельный народ никогда не переживал упадок своей цивилизации и ее возрождение, мы сразу поймем, что это, чего еще никогда не случалось, должно произойти с нами, и поэтому мы не можем довольствоваться утверждением, что обоснованные этические идеи, на которых зиждется цивилизация, изнашиваются в ходе истории, и утешать себя размышлениями о том, что это в точности соответствует обычным процессам природы. Нам необходимо знать, почему это происходило до сих пор, и искать объяснение не по аналогии с природой, а по законам духовной жизни. Мы хотим получить в свои руки ключ к тайне, чтобы с его помощью открыть новую эпоху, эпоху, в которой изношенное снова становится изношенным, а духовное и этическое больше не может изнашиваться. Мы должны изучать историю цивилизации иначе, чем это делали наши предшественники, иначе мы окончательно погибнем.

Почему мысли, способствующие развитию цивилизации, не сохраняют той убедительной силы, которой они когда-то обладали и которую они заслуживают по своему содержанию? Почему они теряют доказательную силу своего морального и рационального характера? Почему традиционные истины перестают быть реальностью и передаются из уст в уста в виде простых фраз?

Это неизбежная судьба, или колодец пересыхает потому, что наше мышление не опустилось до постоянного уровня воды?

Более того, дело не только в том, что прошлое сохраняется среди нас как нечто бесполезное; оно может бросить на нас ядовитую тень. Есть мысли, над которыми мы никогда не позволяли нашему разуму работать непосредственно, потому что находили их готовыми, сформулированными в истории. Идеи, которые мы унаследовали, не позволяют заложенной в них истине проявиться в действии, а демонстрируют ее через своего рода мертвую маску. Устаревшие достижения, которые переходят из упадочной цивилизации в течение новой эпохи, часто становятся подобными отвергнутым продуктам обмена веществ и действуют как яды.

Допустим, что тевтонские народы получили мощный стимул к развитию цивилизации в эпоху Возрождения, вернувшись к идеям греко-римских мыслителей, не менее верно и то, что на протяжении многих веков та же самая греко-римская цивилизация удерживала их в состоянии духовной зависимости, что полностью противоречило их исконному характеру. Они переняли от него декадентские идеи, которые долгое время были помехой их нормальной духовной жизни, и

отсюда произошла та странная смесь силы и слабости, которая является главной характеристикой средневековья. Опасные элементы греко-римской цивилизации прошлого все еще проявляют себя в нашей духовной жизни. Именно потому, что восточные и греческие концепции, которые пережили свое время, все еще актуальны среди нас, мы истекаем кровью из-за проблем, которые в противном случае не существовали бы для нас. Как сильно мы страдаем от того факта, что сегодня и в течение нескольких столетий назад наши мысли о религии находились под наследственным иностранным господством еврейского трансцендентализма и греческой метафизики, и, вместо того, чтобы быть способными выражать себя естественно, постоянно искажались!

Поскольку идеи изнашиваются таким образом и в таком состоянии препятствуют мышлению последующих поколений, в духовном прогрессе человечества нет непрерывности, а есть только запутанная последовательность взлетов и падений. Нити обрываются, или завязываются узлом, или теряются, или при повторном завязывании завязываются неправильно. До сих пор считалось возможным интерпретировать это движение вверх-вниз оптимистически, потому что повсеместно считалось, что Возрождение и эпоха иллюминатов были вполне естественными преемниками греко-римской цивилизации, и далее предполагалось, что в результате этого на месте истощенных цивилизаций возникнут обновленные, и, таким образом, будет обеспечен постоянный прогресс. Но это обобщение не может быть обоснованно сделано на основе таких наблюдений. Именно потому, что на сцену вышли новые народы, которые лишь поверхностно соприкоснулись с пришедшими в упадок цивилизациями и теперь создали другие собственные, стало возможным увидеть эту череду взлетов и падений, заканчивающуюся подъемом. На самом деле, однако, наша новейшая цивилизация не имела никакой органической связи с греко-римской, даже если она и делала свои первые шаги с помощью костылей, которые давала последняя; более точно это можно описать как реакцию здорового духа на изношенные идеи, которые ему таким образом предлагались. Важным элементом этого процесса был контакт того, что было изношено, со свежей мыслью молодых людей.

Однако сегодня вся наша мысль теряет свою силу в соприкосновении с устаревшими идеями нашей умирающей цивилизации или — в случае индусов и китайцев — нашей собственной и других умирающих цивилизаций. Движение вверх-вниз закончится, следовательно, не медленным прогрессом, а непрерывным спуском - если только нам не удастся вернуть изношенным идеям их молодость.

Еще одна большая трудность на пути возрождения нашей цивилизации заключается в том факте, что это должен быть внутренний процесс, а не внешний, и что, следовательно, нет места здоровому сотрудничеству между материальным и духовным. От эпохи Возрождения до середины девятнадцатого века люди, продолжавшие работу цивилизации, могли ожидать помощи в духовном прогрессе от достижений в сфере внешней организации. Требования в каждой из этих сфер стояли бок о бок в их программе и выдвигались одновременно. Они были убеждены, что, работая над преобразованием институтов общественной жизни, они добиваются результатов, которые вызовут развитие новой духовной жизни. Успех в одной сфере

сразу укрепил надежды и энергию, которые были задействованы в другой. Они трудились над прогрессивной демократизацией государства, надеясь таким образом распространить по всему миру правление благодати и справедливости.

Мы, дожившие до духовного банкротства всех созданных ими институтов, больше не можем таким образом работать одновременно над реформой институтов и возрождением духовного элемента. В помощи, которую могло бы оказать такое сотрудничество, нам отказано. Мы не можем больше даже рассчитывать на старое сотрудничество между знанием и мыслью. Когда-то эти двое были союзниками. Последние боролись за свободу и тем самым прокладывали дорогу первым, и, с другой стороны, все результаты, достигнутые знанием, работали на общее благо духовной жизни, поскольку господство закона в природе демонстрировалось все более и более ясно, а господство предрассудков становилось все более ограниченным. Альянс также укрепил мысль о том, что благополучие человечества должно основываться на духовных законах. Таким образом, знание и мысль объединились в установлении авторитета разума и рационального тона мышления.

Современная мысль не получает помощи от науки, и последняя противостоит ей независимо и безразлично. Новейшие научные знания могут быть связаны с совершенно нерефлексирующим взглядом на вселенную. Он утверждает, что его интересует только установление отдельных фактов, поскольку только с их помощью научное знание может сохранять свой практический характер; координация различных отраслей знания и использование результатов для формирования теории вселенной, по его словам, не его дело. Когда-то каждый человек науки был еще и мыслителем, который что-то значил в общей духовной жизни своего поколения. Наш век научился отделять знание от мышления, в результате чего у нас действительно есть свободная наука, но почти не осталось науки, которая размышляла бы.

Таким образом, у нас больше нет в распоряжении для обновления нашей духовной жизни какой-либо естественной внешней помощи, которая у нас была раньше. Мы призваны только к одному виду усилий и должны работать подобно людям, которые восстанавливают поврежденный фундамент собора под тяжестью массивного здания. В мире явлений нет прогресса, который побудил бы нас к упорству; грандиозная революция должна быть произведена без помощи каких-либо сопутствующих революционных действий.

Опять же, обновлению цивилизации препятствует тот факт, что в качестве действующего лица нового движения следует рассматривать исключительно индивидуальную личность.

Обновление цивилизации не имеет ничего общего с движениями, которые носят характер переживаний толпы; никогда не бывает ничего, кроме реакций на внешние события. Но цивилизация может возродиться только тогда, когда у ряда индивидов возникнет новый склад

ума, независимый от преобладающего в толпе и противоположный ей, склад ума, который постепенно завоюет влияние над коллективным и в конце концов определит его характер. Только этическое движение может спасти нас от трясины варварства, а этическое проявляется только в отдельных людях.

Окончательное решение относительно того, каким должно быть будущее общества, зависит не от того, насколько близка его организация к совершенству, а от степени достоинства отдельных его членов. Наиболее важным и в то же время наименее поддающимся определению элементом в истории является серия незаметных общих изменений, происходящих в индивидуальных склонностях многих людей. Это то, что предшествует событиям и является их причиной, и именно поэтому так трудно досконально понять людей и события прошлых времен. Характер и ценность отдельных людей среди массы и то, как они превращают себя в членов целого сообщества, получая от него влияние и отдавая его другим, мы можем даже сегодня понять лишь частично и неуверенно.

Однако ясно одно. Там, где коллективное тело сильнее воздействует на индивида, чем последнее на него, результатом является ухудшение, потому что благородный элемент, от которого все зависит, а именно духовное и моральное достоинство индивида, тем самым неизбежно ограничивается и затрудняется. Затем наступает упадок духовной и нравственной жизни, который делает общество неспособным понимать и решать проблемы, с которыми ему приходится сталкиваться. Вслед за этим, рано или поздно, она оказывается вовлеченной в катастрофу.

Таково состояние, в котором мы сейчас находимся, и именно поэтому долг индивидов - подняться до более высокого представления о своих способностях и снова взять на себя функцию, которую может выполнять только индивид, - продуцирование новых духовно-этических идей. Если этого не произойдет во множестве случаев, ничто не сможет нас спасти.

Новое общественное мнение должно быть сформировано частным образом и ненавязчиво. Существующий режим поддерживается прессой, пропагандой, организацией, а также финансовыми и другими влияниями, которые находятся в его распоряжении. Этому неестественному способу распространения идей должен быть противопоставлен естественный, который передается от человека к человеку и полагается исключительно на истинность мыслей и восприимчивость слушателя к новой истине. Безоружный, следуя примитивному и естественному методу борьбы человеческого духа, он должен атаковать другого, который противостоит ему, как Голиаф противостоял Давиду в могучих доспехах века.

О борьбе, которая должна обязательно за этим последовать, никакая историческая аналогия не может сказать нам многого. Прошрое, без сомнения, было свидетелем борьбы свободомыслящего индивидуума против скованного духа целого общества, но проблема никогда не проявлялась в том масштабе, в каком она проявляется сегодня, потому что скованность коллективного духа в том виде, в каком она проявляется сегодня из-за современных организаций, современной нерerefлексивности и современных народных страстей, - явление, не имеющее прецедента в истории.

Хватит ли у современного человека сил выполнить то, чего требует от него дух и что век хотел бы сделать невозможным?

Суждено ли ему снова стать независимой личностью и оказывать на них влияние в сверхорганизованных обществах, которые сотнями способов держат его в своей власти? Они будут использовать все средства, чтобы удержать его в том состоянии безличности, которое им подходит. Они боятся личности, потому что дух и истина, которым они хотели бы заткнуть рот, находят в ней средство самовыражения. И их сила, к сожалению, так же велика, как и их страх.

Существует трагический союз между обществом в целом и его экономическими условиями. С мрачной неумолимостью эти условия стремятся воспитать современного человека как существо без свободы, без самоконтроля, без независимости, короче говоря, как человеческое существо, настолько полное недостатков, что ему недостает человеческих качеств. И это последнее, что мы можем изменить. Даже если нам будет даровано, чтобы дух начал свою работу, мы лишь медленно и неполно обречем власть над этими силами. На самом деле от воли требуют того, чего наши условия жизни отказываются допускать.

И насколько тяжелы задачи, которые приходится выполнять духу! Это должно создать силу понимания истины, которая действительно является правдой там, где в настоящее время нет ничего, кроме правды пропаганды. Оно должно свергнуть низменный патриотизм и возвести на престол благородный вид патриотизма, который направлен на цели, достойные всего человечества, в кругах, где безнадежные проблемы прошлой и нынешней политической деятельности разжигают националистические страсти даже среди тех, кто в глубине души хотел бы освободиться от них. Необходимо добиться признания того факта, что цивилизация является интересом всех людей и человечества в целом, в тех местах, где национальной цивилизации сегодня поклоняются как идолу, а представление о человечестве с общей цивилизацией разбито вдребезги. Это должно поддерживать нашу веру в цивилизованное государство, даже несмотря на то, что наши современные государства, духовно и экономически разрушенные войной, не имеют времени думать о задачах цивилизации и не смеют уделять свое внимание ничему, кроме того, как использовать все возможные средства, даже те, которые подрывают концепцию справедливости, для сбора денег, с помощью которых можно продлить свое собственное существование. Она должна объединить нас, дав нам единый идеал цивилизованного человека, и это в мире, где одна нация лишила своего соседа всякой веры в человечность, идеализм, праведность, разумность и правдивость, и все в равной степени попали под господство сил, которые все глубже погружают нас в варварство. Это должно привлечь внимание к цивилизации, в то время как растущая трудность зарабатывания на жизнь все больше и больше поглощает массы материальными заботами и заставляет все остальные вещи казаться им всего лишь тенями. Это должно вселить в нас веру в возможность прогресса, в то время как реакция экономического фактора на духовный с каждым днем становится все более пагубной и способствует постоянно растущей деморализации. Это должно дать нам способность надеяться в то время, когда не только светские и религиозные институты и ассоциации, но и люди, на которых смотрят как на лидеров, постоянно подводят нас, когда

художники и ученые люди проявляют себя как сторонники варварства, а знаменитости, которые выдают себя за мыслителей и ведут себя соответственно, когда наступают кризисы, оказываются не более чем писателями и членами академий.

Все эти препятствия стоят на пути стремления к цивилизации. Глухое отчаяние витает вокруг нас. Как хорошо мы теперь понимаем людей греко-римского упадка, которые стояли перед событиями, неспособные сопротивляться, и, предоставив мир его судьбе, замкнулись в себе! Как и они, мы сбиты с толку нашим жизненным опытом. Как и они, мы слышим соблазнительные голоса, которые говорят нам, что единственное, что все еще может сделать жизнь сносной, - это жить сегодняшним днем. Нам говорят, что мы должны отказаться от всякого желания думать или надеяться на что-либо, кроме нашей собственной судьбы. Мы должны обрести покой в смирении.

Признание того, что цивилизация основана на какой-то теории мироздания и может быть восстановлена только через духовное пробуждение и стремление к этическому добру в массе человечества, заставляет нас прояснить для себя те трудности на пути возрождения цивилизации, которые обычное размышление пропустило бы мимо ушей. Но в то же время это поднимает нас над всеми соображениями о возможности или невозможности. Если этический дух обеспечивает достаточную опору в сфере событий для превращения цивилизации в реальность, тогда мы получим цивилизацию при условии, что вернемся к подходящей теории вселенной и убеждениям, которые она должным образом порождает.

История нашего упадка проповедует истину о том, что, когда надежда мертва, дух становится решающим апелляционным судом, и эта истина в будущем найдет в нас возвышенное и благородное воплощение.

ГЛАВА V

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ТЕОРИИ ВСЕЛЕННОЙ

Возрождение нашей теории вселенной и восстановление цивилизации. Рефлексивная теория вселенной; рационализм и мистицизм. Оптимистически-этическая теория как теория цивилизации. Возрождение наших представлений путем размышлений о смысле жизни.

Величайшая из всех задач духа - создать теорию вселенной (*мировоззрения**), ибо в такой теории берут свое начало все идеи, убеждения и деятельность эпохи, и только тогда, когда мы приходим к такой теории, которая совместима с цивилизацией, мы способны придерживаться идей и убеждений, которые являются условиями цивилизации в целом.

Что подразумевается под теорией вселенной? Это содержание мыслей общества и составляющих его индивидов о природе и объектах мира, в котором они живут, а также о положении и судьбе человечества и отдельных людей в нем. Какое значение имеют общество, в котором я живу, и я сам в этом мире? Что мы хотим делать в этом мире, что мы надеемся получить от него и в чем наш долг перед ним? Ответ, данный большинством на эти фундаментальные вопросы о существовании, решает, в каком духе живут они и их эпоха.

Не слишком ли высоко это ставит теорию Вселенной?

В настоящее время, конечно, большинство, как правило, не достигают какой-либо должным образом продуманной теории и не чувствуют необходимости черпать свои идеи и убеждения из такого источника. Они более или менее созвучны всем тонам, пронизывающим эпоху, в которую они живут.

Но кто те музыканты, которые создали эти мелодии? Это личности, которые разработали теории мироздания и почерпнули из них идеи, более или менее ценные, которые актуальны среди нас сегодня. Таким образом, все мысли, будь то мысли отдельных людей или общества, в конечном счете так или иначе восходят к теории Вселенной. Каждая эпоха живет с сознанием того, что было дано ей мыслителями, под влиянием которых она находится.

Платон был неправ, утверждая, что философы государства также должны быть его правителями. Их превосходство иное и более высокое, чем то, которое заключается в признании законов и постановлений и приведении в действие официальной власти. Это офицеры генерального штаба, которые сидят на заднем плане, обдумывая, с более или менее ясным видением, детали предстоящего сражения. Те, кто играет свою роль в глазах общественности, - это подчиненные офицеры, которые для своих подразделений различной численности преобразуют общие указания штаба в приказы дня, а именно, что войска выступят в такое-то время, двинутся в том или ином направлении и займут ту или иную точку. Кант и Гегель командовали миллионами людей, которые никогда не читали ни строчки из их трудов и которые даже не знали, что подчиняются их приказам.

Те, кто командует, будь то в большой или малой сфере, могут осуществить только то, что уже заложено в мысли века. Они не создают инструмент, на котором им приходится играть, а просто садятся за него. Они также не сочиняют пьесу, которую им предстоит сыграть; она просто ставится перед ними, и они не могут ее изменить; они могут только воспроизвести ее с большим или меньшим мастерством и успехом. Если это бессмысленно, они не смогут многое сделать, чтобы улучшить это, но и если это хорошо, они не смогут серьезно повредить этому.

Таким образом, на вопрос, личности или идеи решают судьбу эпохи, ответ заключается в том, что эпоха черпает свои идеи от личностей. Если мыслители определенного периода создают достойную теорию мироздания, то идеи становятся валютой, гарантирующей прогресс; если они не способны к такому производству, то в той или иной форме наступает упадок. Каждая теория вселенной приводит к своим собственным особым результатам в истории.

Падение Римской империи, несмотря на то, что над этой империей стояло так много правителей с выдающимися способностями, в конечном счете можно объяснить тем фактом, что древняя философия не создала теории вселенной с идеями, которые способствовали бы сохранению этой империи. С расцветом стоицизма, как окончательного ответа философской мысли античности, была решена судьба мира вплоть до средневековья. Идея отставки, какой бы благородной она ни была, не могла обеспечить прогресс в мировой империи. Усилия ее сильнейших императоров были бесполезны. Пряжа, из которой они должны были ткать, сгнила.

В восемнадцатом веке, при правлении в большинстве мест незначительных монархов и министров эпохи рококо, среди народов Европы началось прогрессивное движение, которое было уникальным в мировой истории. Почему? Мыслители иллюминатов и рационализма создали достойную теорию Вселенной, на основе которой достойные идеи распространились среди человечества.

Но когда история начала формироваться в соответствии с этими идеями, мысль, которая привела к прогрессу, остановилась, и теперь у нас есть поколение, которое растрчивает драгоценное наследие, полученное им из прошлого, и живет в мире руин, потому что оно не может завершить строительство, начатое этим прошлым. Даже если бы наши правители и государственные деятели были менее близоруки, чем они были на самом деле, они не смогли бы в долгосрочной перспективе предотвратить обрушившуюся на нас катастрофу. Как внутренний, так и внешний крах цивилизации был скрыт в обстоятельствах, порожденных господствующим взглядом на вселенную. Правители, как малые, так и великие, не делали [ничего, кроме] действий в соответствии с духом эпохи.

С исчезновением влияния, оказываемого *Aufklärung*, рационализмом и серьезной философией начала девятнадцатого века, были посеяны семена грядущей мировой войны. Затем начали исчезать также идеи и убеждения, которые сделали бы возможным правильное разрешение противоречий, возникающих между нациями.

Таким образом, ход событий поставил нас в положение, в котором нам пришлось обходиться без какой-либо реальной теории устройства вселенной. Крах философии, расцвет и влияние научных способов мышления сделали невозможным создание идеалистической теории, которая удовлетворяла бы мышление. Более того, наш век беднее глубокими мыслителями, чем, возможно, любой предыдущий. Было несколько сильных духом людей, которые, обладая разнообразными знаниями и прилагая самоотверженные усилия, предложили миру несколько лоскутных идей; было несколько ослепительных комет; но это было все, что нам было даровано. Их продукты в области мировых теорий были достаточно хороши, чтобы заинтересовать круг академической культуры или порадовать нескольких верующих последователей, но людей в целом это совершенно не затронуло.

Поэтому мы начали убеждать себя, что, в конце концов, можно обойтись без какой-либо теории Вселенной. Чувство, что нам нужно встряхнуться, чтобы задать вопросы о мире и жизни и прийти к решению по ним, постепенно угасло. В нерелексивном состоянии, которому мы предались, мы приняли, чтобы удовлетворить требования нашей собственной жизни и жизни нации, случайные идеи, подсказанные нашим чувством реальности. На протяжении более чем полутора поколений у нас было достаточно доказательств того, что теория, являющаяся результатом отсутствия теории, является самой никчемной из всех, влекущей за собой не только разрушение духовной жизни, но и гибель вселенскую. Ибо там, где нет генерального штаба, который разрабатывал бы план кампании для любого поколения, подчиненные офицеры ведут ее, как в реальной войне, так и в сфере идей, от одной бесполезной авантюры к другой.

Таким образом, реконструкция нашего века может начаться только с реконструкции теории Вселенной. Вряд ли есть что-то более настоящее в его притязаниях на нас, чем это, которое кажется таким далеким и абстрактным. Только когда мы снова почувствуем себя как дома в основательном построении теории, которая может поддержать цивилизацию, и когда мы все вместе почерпнем из нее идеи, которые могут стимулировать нашу жизнь и работу, только тогда может снова возникнуть общество, которое будет обладать идеалами с величественными целями и будет способно привести их в эффективное соответствие с реальностью. Именно исходя из новых идей, мы должны строить историю заново.

Как для отдельных людей, так и для общества в целом, жизнь без теории вещей является патологическим нарушением высшей способности к самонаправлению.

Каким условиям должна соответствовать теория Вселенной, чтобы она позволила создать цивилизацию?

Во-первых, в общем определении это должно быть продуктом мысли. Ничто, кроме того, что рождено мыслью и обращается к мысли, не может быть духовной силой, влияющей на все человечество. Только то, что было хорошо обдуманно многими и, таким образом, признано истиной, обладает естественной силой убеждения, которая воздействует на умы других и будет продолжать оставаться эффективной. Только там, где постоянно апеллируют к необходимости рефлексивного взгляда на вещи, все духовные способности человека могут быть задействованы.

В наше время существует своего рода художественное предубеждение против рефлексивной теории вселенной. Мы все еще дети романтического движения в большей степени, чем осознаем. То, что это движение произвело в противовес *Aufklärung* и рационализму, кажется нам действительным во все века против любой теории, которая основывалась бы исключительно на мышлении. В такой теории вселенной мы можем заранее увидеть мир, в котором господствует бесплодный интеллектуализм, убеждения, основанные на простой полезности, и поверхностный оптимизм, которые вместе набрасывают мокрое одеяло на весь человеческий гений и энтузиазм.

Во многом противодействие, которое он оказывал рационализму, реакция начала девятнадцатого века была правильной. Тем не менее остается верным, что она презирала и искажала то, что было, несмотря на все его несовершенства, величайшим и наиболее ценным проявлением духовной жизни человека, которое когда-либо видел мир. Во всех кругах, как культурных, так и некультурных, в то время царили вера в мысль и благоговение перед истиной. Только по этой причине эта эпоха стоит выше, чем любая из предшествовавших ей, и намного выше нашей собственной.

Ни за что нельзя допустить, чтобы чувства и фразы романтизма помешали нашему поколению сформировать четкое представление о том, что такое разум на самом деле. Это не сухой интеллектуализм, который подавил бы все многообразные движения нашей внутренней жизни, но совокупность всех функций нашего духа в их живом действии и взаимодействии. В нем наш интеллект и наша воля поддерживают то таинственное общение, которое определяет характер нашего духовного существа. Эти фундаментальные идеи, которые она порождает, содержат все, что мы можем чувствовать или воображать о нашей судьбе и судьбе человечества, и придают всему нашему существу направление и ценность. Энтузиазм, исходящий от мысли, имеет такое же отношение к тому, что поднимается из котла чувств, как ветер, проносящийся над высотами, имеет такое же отношение к тому, что кружит между холмами. Если мы отважимся еще раз обратиться за помощью к свету разума, мы больше не будем опускаться до уровня поколения, которое утратило способность к энтузиазму, но будем следовать глубокой и благородной страсти, вдохновленной великими и возвышенными идеалами. Это настолько

наполнит и расширит наше существо, что то, чем мы сейчас живем, покажется просто мелким волнением и исчезнет.

Рационализм - это нечто большее, чем движение мысли, реализовавшее себя в конце восемнадцатого и начале девятнадцатого веков. Это необходимое явление во всей нормальной духовной жизни. Весь реальный прогресс в мире, в конечном счете, достигается рационализмом.

Верно, что интеллектуальные разработки периода, который мы исторически обозначаем как рационалистический, неполны и неудовлетворительны, но установленный тогда принцип обоснования наших взглядов на вселенную на мысли, и только на мысли, действителен во все времена. Даже если самый ранний плод дерева созрел не полностью, само дерево, тем не менее, остается деревом жизни для жизни нашего духа.

Все движения, претендующие на то, чтобы занять место рационализма, стоят намного ниже его в вопросе достижений. Опираясь на спекулятивное мышление, на историю, на чувства, на эстетику, на науку, они пытались построить теорию вселенной, выискивая что попало в окружающем их мире вместо того, чтобы вести научные раскопки. Только рационализм выбрал правильное место для своих раскопок, и копал систематически, в соответствии с планом. Если он нашел только металл небольшой ценности, то это потому, что, имея в своем распоряжении средства, он не смог проникнуть достаточно глубоко. Обнищавшие и разоренные из-за того, что искали приключений, мы должны решиться пробить еще одну шахту в земле, где работал рационализм, и исследовать все слои, чтобы увидеть, не можем ли мы найти золото, которое там наверняка должно быть.

Продумать до конца теорию вселенной, созданную мыслью, — вот единственно возможный способ сориентироваться в путанице современного мира мысли.

Философские, исторические и научные вопросы, с которыми он был не в состоянии справиться, обрушились на более ранний рационализм подобно лавине и похоронили его на середине пути. Новая рациональная теория вселенной должна найти выход из этого хаоса. Оставляя себя свободно открытым всему влиянию мира фактов, оно должно исследовать каждый путь, предлагаемый размышлением и знанием, в своем стремлении достичь высшего смысла бытия и жизни и посмотреть, сможет ли оно разрешить некоторые из загадок, которые они представляют.

Высшее знание, в котором человек осознает свое собственное существо как часть Всего, принадлежит, по их словам, к сфере мистицизма, под которым подразумевается, что он не достигает его методом обычного размышления, но так или иначе живет в нем сам.

Но зачем предполагать, что дорога мысли должна внезапно оборваться на границе мистицизма? Верно, что чистый разум до сих пор останавливался всякий раз, когда оказывался в этом районе, ибо он не желал выходить за пределы точки, на которой он все еще мог представить все как часть гладкого, логичного плана. Мистицизм, со своей стороны, всегда, насколько мог, обесценивал чистый разум, чтобы любой ценой не допустить распространения идеи о том, что он каким-либо образом обязан давать отчет разуму. И все же, хотя они отказываются узнавать друг друга, эти двое принадлежат друг другу.

Именно в разуме интеллект и воля, которые в нашей природе таинственным образом связаны друг с другом, стремятся прийти к взаимопониманию. Высшее знание, которое мы стремимся приобрести, - это знание жизни, на которое интеллект смотрит извне, воля - изнутри. Поскольку жизнь является конечным объектом познания, наше конечное знание обязательно является нашим мыслительным опытом жизни, но это лежит не вне сферы разума, а внутри самого разума. Только когда воля продумала свое отношение к интеллекту, пришла, насколько это возможно, в соответствие с ним, проникла в него и в нем стала логичной, она оказывается в состоянии осознать себя, насколько это позволяет ее природа, как часть вселенской воли к жизни и часть бытия в целом. Если он просто оставляет интеллект в стороне, он теряется в запутанных представлениях, в то время как интеллект, который, подобно рационализму прошлого, не допускает, чтобы для понимания жизни он должен был окончательно раствориться в мыслительном опыте, отказывается от всякой надежды построить глубокую и твердо обоснованную теорию вселенной.

Таким образом, размышление, доведенное до конца, где-то и каким-то образом приводит к живому мистицизму, который для всех людей повсюду является необходимым элементом мышления.

Сомнения в том, сможет ли масса людей когда-либо достичь того уровня размышлений о себе и мире, которого требует рефлексивная теория вселенной, вполне оправданны, если рассматривать современного человека как образец расы. Но он, с его уменьшенной потребностью в мышлении, представляет собой патологическое явление.

В действительности в умственном даровании среднего человека заложена способность к мышлению, которая для индивида делает создание собственной рефлексивной теории вещей не только возможным, но при нормальных условиях даже необходимым. Великие движения просветления в древние и современные времена помогают поддерживать твердую веру в то, что в массе человечества есть сила мысли об основах, которую можно пробудить к деятельности. Эта вера укрепляется наблюдением за человечеством и общением с молодежью. Фундаментальный импульс к размышлениям о Вселенной движет нами в те годы, когда мы начинаем мыслить независимо. Позже мы позволяем этому угаснуть, хотя и ясно чувствуем, что тем самым обедняем себя и становимся менее способными к добру. Мы подобны источникам воды, которые больше не текут, потому что за ними никто не следил, и постепенно они забиваются мусором.

В нашу эпоху больше, чем в какую-либо другую, пренебрегали наблюдением за тысячами источников мысли; отсюда засуха, от которой мы чахнем. Но если мы только продолжим убирать мусор, скрывающий воду, пески снова будут орошены, и жизнь зародится там, где до сих пор была только пустыня.

Конечно, в отделе теорий мира, как и в других, есть проводники и ведомые. Пока независимость массы людей остается относительной. Вопрос только в том, ведет ли влияние наставников к зависимости или независимости. Последнее влечет за собой развитие в направлении правдивости; первое означает смерть этой добродетели.

Каждое существо, называющее себя человеком, призвано развиться в настоящую личность в рамках отражающей теории вселенной, которую оно создало для себя.

Но какого характера должна быть теория, чтобы на ней основывались идеи и убеждения о цивилизации?

Оптимистична та теория вселенной, которая отдает предпочтение существованию по сравнению с небытием и, таким образом, утверждает жизнь как нечто, обладающее ценностью само по себе. Из такого отношения к вселенной и к жизни проистекает импульс поднять существование, насколько наше влияние может повлиять на него, до наивысшего уровня ценности. Отсюда берет начало деятельность, направленная на улучшение условий жизни отдельных лиц, общества, наций и человечества, из которой проистекают внешние достижения цивилизации, господство духа над силами природы и более высокая социальная организация.

Этика - это деятельность человека, направленная на обеспечение внутреннего совершенства его собственной личности. Сама по себе она совершенно независима от того, является ли теория мироздания пессимистической или оптимистической. Но сфера его действия сужается или расширяется в зависимости от того, как это проявляется в связи с теорией первого или второго типа.

В детерминистско-пессимистической теории вселенной, какой мы ее имеем в представлении брахманов или Шопенгауэра, этика не имеет ничего общего с объективным миром. Она направлена исключительно на обеспечение самосовершенствования личности, поскольку это достигается во внутренней свободе и отрыве от мира и его духа.

Но сфера применения этики расширяется по мере того, как она развивает и укрепляет связь с теорией вселенной, которая является утвердительной по отношению к миру и жизни. Теперь его целью является внутреннее совершенствование индивида и в то же время направление его деятельности таким образом, чтобы оказывать воздействие на других людей и на объективный мир. Это правда, что перед лицом объективного мира и его духа этика больше не является для человека самоцелью. С ее помощью человек должен стать способным действовать среди людей и в мире как более высокая и чистая сила и, таким образом, вносить свой вклад в реализацию идеала всеобщего прогресса.

Таким образом, оптимистически-этическая теория Вселенной работает в партнерстве с этикой над созданием цивилизации. Ни то, ни другое не способно сделать это само по себе. Оптимизм вселяет уверенность в том, что мировой процесс так или иначе преследует духовно-осмысленную цель и что улучшение общих отношений в мире и обществе способствует духовно-нравственному совершенствованию личности. Из этики вытекает способность развивать целенаправленное состояние ума, необходимое для воздействия на мир и общество и для объединения всех наших достижений для обеспечения духовного и нравственного совершенствования личности, которое является конечной целью цивилизации.

Как только мы осознаем, что энергии, проистекающие из теории вселенной и побуждающие нас к созданию цивилизации, уходят корнями в этику и оптимизм, мы получаем свет на вопрос, почему и как наши идеалы цивилизации пришли в негодность. На этот вопрос нельзя ответить с помощью хороших или плохих аналогий из природы. Решающий ответ заключается в том, что они пришли в негодность, потому что нам не удалось установить этические и оптимистические элементы на достаточно прочном фундаменте.

Если бы мы проанализировали процесс, в ходе которого идеи и убеждения, порождающие цивилизацию, проявляют себя, то обнаружили бы, что всякий раз, когда регистрировался прогресс, либо оптимистический, либо этический элемент в теории вселенной оказывался более привлекательным, чем обычно, и имел своим следствием прогрессивное развитие. Когда цивилизация приходит в упадок, существует та же цепочка причинно-следственных связей, но она работает отрицательно. Здание повреждается или рушится, потому что оптимистический элемент, или этический, или оба вместе, рушатся, как слабый фундамент. Никакие исследования не дадут никакой другой причины для изменений. Все мыслимые идеи и убеждения этого персонажа проистекают из оптимизма и этического импульса. Если эти две опоры достаточно прочны, нам не нужно опасаться за само здание.

Следовательно, будущее цивилизации зависит от того, возможно ли для мысли прийти к теории вселенной, которая будет более надежно и фундаментально опираться на оптимизм и этический импульс, чем это было у ее предшественников.

Мы, жители Запада, мечтаем о теории мироздания, которая соответствовала бы нашему побуждению к действию и в то же время оправдывала бы его. Мы не смогли сформулировать такую теорию определенно. В настоящее время мы находимся в состоянии, когда обладаем всего лишь импульсом без какой-либо определенной ориентации. Дух эпохи побуждает нас к действию, не позволяя нам достичь какого-либо ясного взгляда на объективный мир и на жизнь. Это неумолимо требует нашего труда на службе той или иной цели, тому или иному достижению. Это держит нас в своего рода опьянении активностью, так что у нас, возможно, никогда не будет времени поразмыслить и спросить себя, какое отношение на самом деле имеет это неустанное самопожертвование ради целей и достижений к смыслу мира и нашей жизни. И вот мы блуждаем туда-сюда в сгущающихся сумерках, образованных отсутствием какой-либо определенной теории мироздания, подобно бездомным, пьяным наемникам, и равнодушно зачисляемся на службу общему и великому, не делая различий между ними. И чем более безнадежным становится состояние мира, в котором этот авантюрный импульс к действию и прогрессу распространяется повсюду, тем более запутанным становится все наше представление о вещах и тем более бесцельными и иррациональными становятся действия тех, кто встал под знамя такого импульса.

Насколько мало рефлексии присутствует в побуждении Запада к действию, становится очевидным, когда он пытается согласовать свои идеи с идеями Дальнего Востока. Ибо мысль на Дальнем Востоке постоянно занята поиском смысла жизни и заставляет нас задуматься над

проблемой смысла нашего собственного беспокойства, проблемой, которую мы, жители Запада, так настойчиво игнорируем. Мы приходим в крайнюю растерянность, когда размышляем над идеями, которые представлены нам в индийской мысли. Мы отворачиваемся от интеллектуальной самонадеянности, которую находим там. Мы осознаем неудовлетворительные и незавершенные элементы идеала прекращения действия. Мы инстинктивно чувствуем, что стремление к прогрессу оправдано не только в том аспекте, который направлен на духовное совершенствование личности, но и в том, который направлен на общее и материальное.

Что касается нас, то мы осмеливаемся утверждать, что мы, авантюристы, занимающие позитивное отношение к миру и к жизни, какими бы большими и даже ужасными ни были наши ошибки, все же можем внести не только большой материальный, но и большой духовный и этический вклад, чем те, кто находится под запретом теории вселенной, характеризующейся прекращением действия.

И все же, несмотря ни на что, мы не можем чувствовать себя полностью оправданными перед лицом этих странных восточных теорий. В них есть что-то благородное, что не оставляет нас равнодушными, даже очаровывает. Этот оттенок благородства проистекает из того факта, что эти убеждения рождены поиском теории мироздания и смысла жизни. С другой стороны, у нас активистские инстинкты и импульсы занимают место теории мироздания. У нас нет теории, утверждающей мир и жизнь, которую мы могли бы противопоставить негативной теории этих мыслителей, нет мысли, которая нашла бы основу для оптимистической концепции существования, чтобы противопоставить ее другой, которая пришла к пессимистической концепции.

Таким образом, пробуждение западного духа должно начаться с того, что наши люди, как образованные, так и простые, осознают отсутствие у себя теории устройства вселенной и почувствуют ужас своего последующего положения. Мы больше не можем довольствоваться заменой такой теории. Что лежит в основе воли к активности и прогрессу, которая побуждает как к великим, так и к ужасным поступкам и которая пытается удержать нас от размышлений? Мы должны направить все наши силы на решение этой проблемы.

Есть только один способ, с помощью которого мы можем надеяться выйти из бессмысленного состояния, в котором мы сейчас находимся в плену, в состояние, наполненное смыслом. Каждый из нас должен обратиться к созерцанию своего собственного существа, и мы все должны предаться совместным размышлениям, чтобы обнаружить, как наша воля к действию и прогрессу может быть интеллектуально основана на том, как мы интерпретируем нашу собственную жизнь и жизнь вокруг нас, а также значение, которое мы придаем им.

Великий пересмотр убеждений и идеалов, в соответствии с которыми и во имя которых мы живем, произойдет только тогда, когда, постоянно провозглашая их, мы обеспечим распространение среди наших современников идей и размышлений, отличных от тех, которые преобладают в данный момент. Только так многие придут к размышлению о смысле жизни и переориентируют, пересмотрят и заново создадут свои идеалы действия и прогресса, спрашивая себя, соответствуют ли они смыслу, который мы приписываем самой нашей жизни. Это личное размышление о конечных и элементарных вещах - единственный надежный способ

измерения ценностей. Мое желание и действие имеют реальный смысл и ценность только в той мере, в какой цели, которые действие ставит перед собой, могут быть оправданы как находящиеся в прямом соответствии с моей интерпретацией моей собственной жизни и жизни других людей. Все остальное, насколько бы оно ни считалось актуальным в соответствии с традицией, обычаями и общественным мнением, тщетно и опасно.

Кажется, действительно, поводом для презрения и насмешек является то, что мы призываем людей к чему-то столь отдаленному, как возвращение к размышлениям о смысле жизни в то время, когда страдания и безумства народов стали такими интенсивными и продолжительными, когда безработица, нищета и голод распространены повсеместно, когда власть растрачивается со всех сторон самым бесстыдным и бессмысленным образом, и когда организованная человеческая жизнь нарушена во всех направлениях. Но только тогда, когда население в целом начнет размышлять таким образом, появятся силы, которые смогут произвести что-то, чтобы уравновесить всю эту разруху и нищету. Какие бы другие меры ни были предприняты, они приведут к сомнительным и совершенно неадекватным результатам.

Когда весной увядший серый цвет пастбищ сменяется зеленым, это происходит из-за миллионов молодых побегов, которые только что прорастают из старых корней. Подобным же образом возрождение мысли, необходимое для нашего времени, может произойти только через трансформацию мнений и идеалов многих, вызванную индивидуальным и универсальным размышлением о смысле жизни и мира.

Но уверены ли мы в том, что сможем продумать то утверждение о мире и жизни, которое является в нас таким мощным импульсом, в теорию мира и жизни, из которой может убедительно и постоянно исходить поток энергии, производящий понятную жизнь и действие? Как нам преуспеть в выполнении того, над чем тщетно трудился дух западного мира на протяжении прошлых поколений?

Даже если бы мысль, однажды пробудившись, пришла лишь к неполной и неудовлетворительной теории вселенной, все же это, как истина, до которой мы сами дошли, имело бы большую ценность, чем полное отсутствие какой-либо теории вообще или, наоборот, чем любая авторитетная теория, за которую, пренебрегая требованиями истинного мышления, мы цепляемся из-за ее предполагаемой внутренней ценности, не имея никакой реальной и основательной веры в нее.

Началом любой духовной жизни, имеющей какую-либо реальную ценность, является мужественная вера в истину и открытое исповедание ее. Самый глубокий религиозный опыт тоже не чужд мысли, но должен быть выводиться из нее, если мы хотим придать ему истинную и глубокую основу. Простое размышление о смысле жизни уже само по себе имеет ценность. Если бы такое размышление снова возникло среди нас, идеалы, рожденные тщеславием и страданием, которые сейчас в большом изобилии разрастаются, как злые сорняки, среди убеждений большинства людей, безошибочно увяли бы и умерли. Как много было бы уже сделано на пути к нашему спасению от наших нынешних обстоятельств, если бы только мы все каждый вечер уделяли три минуты созерцанию бесконечного мира звездных небес и размышлению о нем, или если бы, принимая участие в похоронной процессии, мы размышляли о загадке жизни и смерти, вместо того чтобы вести бездумные разговоры, следуя за гробом! Идеалы, рожденные глупостью и страданием тех, кто формирует общественное мнение и руководит общественными мероприятиями, не имели бы больше власти над людьми,

если бы они однажды начали размышлять о вечности и смертности, существовании и распаде и таким образом научились различать истинные и ложные стандарты, между теми, которые обладают реальной ценностью, и теми, которые ее не имеют. Раввины старых времен учили, что царство Божье наступит, если только весь Израиль действительно будет соблюдать единую Субботу одновременно! Насколько более верно то, что несправедливость, насилие и неправда, которые сейчас приносят столько бедствий человечеству, потеряли бы свою силу, если бы среди нас появился хотя бы один реальный след размышлений о смысле мира и жизни!

Но не опасно ли ставить перед людьми этот вопрос о смысле жизни и требовать, чтобы наш импульс к действию оправдывался и прояснялся в таких размышлениях, о которых мы говорили? Не потеряем ли мы, соглашаясь с этим требованием, некоторый незаменимый элемент наивного энтузиазма?

Таким образом, нам не нужно беспокоиться о том, насколько сильным или насколько слабым окажется наш импульс к действию, когда он придет в результате интеллектуального размышления к интерпретации жизни. Реальное значение для жизни имеет только то, что дается как элемент нашей интерпретации жизни. По-настоящему важно не количество, а качество деятельности. Что необходимо, так это то, чтобы наша воля к действию осознала саму себя и перестала действовать вслепую.

Но, возможно, на это могут возразить, в конце концов мы откажемся от агностицизма и будем вынуждены признать, что не можем обнаружить никакого смысла во вселенной или в жизни.

Если мысль хочет беспрепятственно отправиться в свое путешествие, она должна быть готова ко всему, даже к приходу к интеллектуальному агностицизму. Но даже если нашей воле к действию суждено бесконечно и безуспешно бороться с агностическим взглядом на вселенную и жизнь, все равно это болезненное разочарование лучше для нее, чем упорный отказ вообще обдумать свою позицию. Ибо это разочарование, во всяком случае, означает, что нам ясно, что мы делаем.

Однако в такой позиции смирения нет никакой необходимости. Мы считаем, что утвердительная позиция по отношению к миру и жизни - это нечто такое, что само по себе является необходимым и ценным. Поэтому, по крайней мере, вероятно, что для этого можно найти основание в мысли. Поскольку это врожденный элемент нашей воли к жизни, должна быть возможность понять его как необходимое следствие нашей интерпретации жизни. Возможно, нам придется поискать в другом месте, чем мы делали до сих пор, реальную основу той теории вселенной, которая несет в себе утверждение о мире и жизни. Предыдущая мысль предполагала, что она может вывести смысл жизни из своей интерпретации вселенной. Возможно, нам придется смириться, отказаться от проблемы интерпретации вселенной и найти смысл своей жизни в воле к жизни, которая существует в нас самих.

Пути, по которым мы должны бороться к цели, могут быть покрыты мраком, но направление, в котором мы должны двигаться, ясно. Мы должны вместе размышлять о смысле жизни; мы должны вместе стремиться к созданию теории вселенной, утверждающей мир и саму жизнь, в которой импульс к действию, который мы ощущаем как необходимый и ценный элемент нашего существа, может найти оправдание, направленность, ясность и глубину, может получить новый приток моральной силы и быть возрожденным, и таким образом стать способным

формулировать определенные идеалы цивилизации и действовать в соответствии с ними, вдохновленные духом истинного гуманизма.

СНОСКИ

* *Weltanschauung*. Перевел "теорию вселенной" в первой части и в других местах этого предисловия.

* Переводил "мировоззрение" на протяжении всей второй части этих лекций.

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕПИСЧИКА

Форматирование обоих файлов .htm и .txt соответствует форматированию двух похожих книг "Поиски исторического Иисуса" и "Тайна Царства Божьего", которые уже есть в проекте "Гутенберг".

Я сделал несколько вариантов расстановки переносов, в основном из-за отмены расстановки переносов в концах строк:

- 1. теория мира
- 2. преодоление
- 3. уважающий себя
- 4. неконцентрированный
- 5. чрезмерная организованность
- 6. завышенная оценка
- 7. чувство собственной важности
- 8. министры в стиле рококо
- 9. несуществование

Кроме того, на странице 5 файла .pdf в интернет-архиве отображение этой страницы в моей копии было повреждено. Как указал редактор, это было исправлено в текущей версии Internet Archive.

На странице 84 слово "не" в предложении: "Правители, как малые, так и великие, действовали не в соответствии с духом эпохи". было заменено на "[ничего, кроме]". The original German is: "Die kleinen und die großen Regierenden taten nichts anderes, als daß sie im Geiste der Zeit handelten." Google Translate (25.04.2025) переводит это следующим образом: "Маленькие и большие правители не делали ничего, кроме как действовали в духе времени". Напечатанное предложение в книге является либо опечаткой, либо неправильным переводом. Это не соответствует пониманию автора, который имеет в виду, что в крахе цивилизации виноваты не сами правители, а, скорее, "дух эпохи".